

Роман Афанасьев

Война чудовищ

Чудовище

Роман Афанасьев

Война чудовищ

«Автор»

2022

Афанасьев Р.

Война чудовищ / Р. Афанасьев — «Автор», 2022 — (Чудовище)

Что может заставить воина, ушедшего от мира, вновь взять в руки клинок? Множество вещей – любовь, ненависть, война. Сигмон ла Тойя, могучий воин со шкурой монстра, не долго наслаждался отшельничеством. Королевству Ривастан грозит страшная беда, оживают старые легенды о кровожадных упырях, и Сигмону снова придется взяться за меч. Грядет Война Чудовищ – великая битва со Старшими вампирами, решившими расширить свои владения за счет соседей, а над полем брани висит незримая тень северянина с птичьими глазами, каких не бывает у обычных людей...

© Афанасьев Р., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. СЛОВО ЧЕСТИ	12
Глава 2. УЧАСТЬ САГЕМА	32
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роман Афанасьев

Война чудовищ

Пролог

В камине, под толстым слоем золы, тлел крохотный огонек. Уголья робко перемигивались, но не давали ни тепла, ни света. Весенний день выдался теплым, но к вечеру на замок опустились сумерки, а с ними пришел и холод. В маленькой комнатке, спрятанной на вершине замковой башни, пришлось разжечь огонь – ее хозяин никак не мог согреться. Старая кровь не горячила тело, как бывало раньше, и плоть приходилось бодрить подогретым вином. Сорок пять весен – не так много для мужчины. Но гнет забот, лежавший на его плечах, состарил человека больше, чем все прожитые годы.

Король Ривастана, Геордор Вер Сеговар Третий, последний из прямых потомков благородного рода Сеговаров, отчаянно мерз.

Чадил камин. Его давно нужно было вычистить, и как следует, но слуг в эту комнату не допускали. О ней знали немногие – лишь те, кому король доверял. Вдоль круглых стен, повторяя форму башни, тянулись ряды стеллажей красного дерева – его не трогали ни гниль, ни короеды. Резные дверцы плотно прикрывали надежные ячейки и полки. Здесь хранилось бесценное сокровище Ривастана: королевский архив. Переписка с дружественными державами, досье на важных персон собственного государства, история рода, бесценные книги по лекарству и магии, донесения шпионов, просьбы вассалов... Все это хранилось тут, только руку протяни и вытащишь на свет бесценный фрагмент славного прошлого. Или – настоящего. Любой из шпионов соседних государств без колебаний отдал бы правую руку за возможность запустить уцелевшую в этот архив. Многие приближенные самого короля Геордора пожертвовали бы и большим – жизнь и смерть многих из них скрывалась на этих пожелтевших листах. Именно поэтому путь в комнату хранился в тайне. Именно поэтому король Ривастана сидел за столом у нечищеного камина и терпел холод весенней ночи, надеясь лишь на теплое клетчатое одеяло, окутавшее плечи.

На столе горела одинокая свеча. Ее свет не был виден снаружи – единственное окно так высоко, что заглянуть в него может лишь случайная птица. Да и та не увидела бы ничего, кроме пыльного стекла, что мыли только летние дожди. В комнате царил полумрак, но зажигать масляную лампу король не хотел – он привык к осторожности и не собирался рисковать тайной скромного убежища.

Морщинистая рука с распухшими суставами бережно сжимала пергамент, усеянный кляксами чернил и подсохшей крови. Важный документ, драгоценный – за него заплачено жизнью. И он того стоил.

Геордор отодвинул в сторону опустевший кубок, выточенный из цельного куска горного хрусталя, – память о предках, пришедших в эту страну из горного королевства Лодир с огнем и мечом. Это случилось пять веков назад. Три молодых рода – Сеговар, Битир и Борфейм – не нашли своей судьбы в горах. Слишком тесно стало среди камней, слишком голодно. И тогда северяне спустились в страну землепашцев и крестьян, живших малыми родами, за теплом и едой. Набег вышел удачным: суровые горцы без труда справились с жителями равнин, сытыми и размякшими. Северяне взяли богатую добычу, честно разделили ее. Можно было возвращаться домой – в холодные каменные объятия Лодира. Но они не вернулись.

Соблазненные теплом и лаской юга, они остались в краях равнин, чтобы построить новое царство для своих родов. Они не стали ютиться вместе – разошлись в разные стороны и взяли столько земли, сколько смогли. Их вожди основали Ривастан, Тарим и Волдер, ставшие самыми

большими и сильными державами мира. Конечно, не сразу. Путь к величию лежал через бесчисленные войны – пришлось сражаться и с землепашцами, и с южными кочевниками, а потом и друг с другом. И с эльфами и гномами, но позже, когда люди, объединившись, заселили леса и долины, раскинувшиеся от северных гор до южного моря...

Былые дни. Былая слава. От нее остались лишь сверкающие воспоминания, что угасали вместе с родом Сеговаров, основавших Ривастан – самое большое царство восточного мира.

Геордор, последний из прямых потомков главы рода Сеговар, по праву носивший титул Вер, что на языке северных гор значило просто Вождь, остался в одиночестве. Титул вождя должен был сгинуть вместе с ним – супруга короля умерла два десятка лет назад, при родах, так и не подарив королевству наследника. Для Геордора не нашлось новой супруги – в роду больше не было зрелых дам крови Сеговаров. После траура монарх погрузился в пучину управления государством, отдавая королевству весь нерастраченный пыл отцовской и супружеской любви.

Ривастан процветал. Король правил крепкою рукой, но мудро, заботясь о благе единственного детища – государства. Страна впервые за три сотни лет, прошедших после войны рас, окрепла, не потеряла старые земли и получила новые. Получила без крови, благодаря мудрости короля и хитрости его советников – переговорами, выгодными сделками и прочными союзами. За это народ прозвал Геордора Третьего Мирным.

Король знал о прозвище и в тайне гордился им. В те минуты, когда Геордор отрывался от бумаг и осмеливался взглянуть в будущее своего угасающего рода, он утешался именно этим – народным признанием, процветающим Ривастаном, богатыми закромами и крепкими границами. Но там, впереди, царили только холод и мрак, черная пелена упокоения самого Геордора и всего рода Сеговар. Пусть Ривастан велик, но некому передать все великолепие страны. Это печалило Геордора Сеговара, но не останавливало монарха Ривастана. Со вздохом опускал он взор на очередное донесение и погружался в пучины мирских дел, стараясь не замечать обрыва, что придвигался с каждым днем все ближе и ближе. Сейчас Геордор и вовсе его не видел. Пред глазами стояла серая пелена, а от донесения шпиона тянуло смертным холодом, леденящим и без того стылую кровь.

За стеной, скрытой стеллажами, зашуршали. Король оторвал взгляд от пергамента, взглянул в темный угол. На тайной лестнице завозились, сдавлено ругнулись, скрипнули несмазанные петли.

– Сир?

Король отложил донесение в сторону, привычно перевернув листок текстом вниз. Придавил кубком.

– Входи, Вильмонт.

Из темного проема меж двух стеллажей выдвинулась широкоплечая фигура и уверенно шагнула к столу, в зыбкий круг света. В темноте звездами блеснули начищенные серебряные пуговицы военного мундира.

Вильмонта Бонибора, маршала Ривастана и советника короля, нельзя было назвать стариком – он был всего лишь на год старше короля. Но время обошло с ним намного суровей, рано наградив сединой и ломотой в костях. Ведь тогда, когда молодой принц Геордор еще только учился у отца управлять государством, Вильмонт Бонибор уже водил в бой кавалерию, отбивая атаки южных кочевников, и шагал по камням во главе отрядов, выбивая из предгорий враждебные рода горцев. Время не пощадило старого воина, одарило его десятком болезней и сотней ран, но проявило удивительное милосердие к разуму. Вильмонт сохранил острый ум и по-прежнему оставался верным слугой короля, прекрасным стратегом и тактиком, его правой рукой. Один из пяти советников монарха, он три десятка лет возглавлял армию Ривастана и пока не собирался на покой.

– Что случилось, Вильмонт? – мягко спросил король, обращаясь к маршалу как к старому другу, а не к подданному.

– Срочное донесение, сир, – отозвался Бонибор, пытаясь отцепить от рукава мундира кружева паутины.

– Такое важное, что ты поднялся с постели в этот час?

– Я и не ложился, ваше величество, – отозвался маршал. – И только я знаю, как найти вас в это время, сир.

– Восток или запад?

– Восток, сир.

Король вздохнул и прикрыл глаза. Ладонь легла на перевернутый пергамент и вздрогнула. Не сейчас. Это – потом.

– Докладывай, – велел Геордор.

– Наши опасения оправдались, – отозвался маршал. – Тарим и Волдер стягивают войска к нашей границе. Они сговорились, сир. Теперь это известно точно.

– Мы знали это и раньше, Вильмонт.

– Только предполагали, сир. Теперь мы знаем о договоре, что заключили король Тарима и властитель Волдера. Основные силы Волдера движутся к восточной границе. Тарим спешно подтягивает войска. Они решились, мой король. Решились напасть. Осталось совсем немного.

– Сколько?

– Пока это не известно, сир. Это случится не завтра. Но сейчас середина весны, а лето – удобное время для войны.

Длинные пальцы короля, иссушенные временем, тронули хрустальный кубок – осколок былого величия рода Сеговаров.

– Сколько, – прошептал Геордор. – Сколько нам осталось, Виль?

Маршал тяжело оперся руками о резную спинку стула, давая отдых спине. Монарх соизволил обратиться к нему как к другу.

– Не знаю, – признался он. – Месяц, полтора... Времени мало. Нам нужно перебросить все войска на восток, все что можно. Вплоть до пограничных гарнизонов, иначе нам не устоять, сир.

Геордор задумчиво погладил пальцем хрустальный бок кубка, провел по грубой грани – жесткой и острой, как северные скалы. Задумчиво взглянул на тлеющие угли и задумался, прикусив по детской привычке нижнюю губу. Прошла минута, другая... Король размышлял. Маршал, следивший за монархом, откашлялся и решился.

– Вы должны отдать приказ, сир, – твердо сказал он. – Наше восточное герцогство – клин между Волдером и Таримом. Они навалятся на него разом – сверху и снизу, сожмут стальными клещами восточное герцогство и раскусят, как орех. И тогда на востоке ляжет новая граница – от южных гор до северных. А возле нее окажется огромное войско двух государств. Войско на захваченной территории – с провиантом, с зимними квартирами и захваченными укреплениями. Впереди целое лето. Они сделают это, сир. Нет никаких сомнений.

Король смотрел на угли и задумчиво водил пальцем по шершавому пергаменту.

– Сир? – позвал Вильмонт.

Сеговар шевельнул рукой, давая понять, что все слышит.

– Нам нужно стянуть все войска к границе, – повторил маршал. – Если мы заранее организуем оборону и укрепим границы, тогда Тарим отступится. Их армия невелика, намного меньше чем у Волдера. Они выставили всех, кого смогли, и если увидят, что мы готовы к удару – побоятся потерять все. А Волдер не решится напасть, потому что в одиночку ему с нами не справиться.

– Гарнизоны Вентского герцогства невелики. Успеют ли наши войска добраться до восточных границ?

– Да. Но приказ нужен сегодня, сир. Завтра нужно начать переброску ближайших гарнизонов. А потом отозвать все войска с запада.

– Вильмонт, – тихо позвал король.

– Да, ваше величество?

– Завтра. Утром.

– Сир, приказ нужно отдать сейчас! У меня томятся гонцы в конюшнях, почтари разбудили птиц, все ждут только приказа. Все должно начаться как можно раньше...

– Завтра, Вильмонт. После совета.

Маршал едва слышно скрипнул зубами и выпрямился, стал ровно, словно перед парадным строем. Отнял руки от спинки стула.

– Да, ваше величество, – отозвался он. – Завтра.

– Можешь идти, Вильмонт, – произнес король. – И постарайся выспаться. Утром, на совете, мне понадобится твоя светлая голова. И вся твоя верность.

– Да, сир.

– Иди.

Маршал отступил назад, исчезнув из светлого круга свечи. И лишь полностью скрывшись в тени стеллажей, развернулся спиной к монарху и протиснулся в тайную дверь.

Геордор проводил его тяжелым взглядом. Маршал прав – нужно стягивать войска к восточной границе. Но сейчас... Сейчас короля тревожил не только восток. Если бы он только мог отдать этот приказ! Но запад тоже нельзя оставлять без защиты. Это послание... Внутри короля заворочался ледяной червячок. Геордор знал: близится новая угроза. Темная волна, еще не видимая, но уже осязаемая. Война на востоке – беда, однако беда понятная и оттого не столь страшная. Но вести с запада... Неизвестность страшит больше прямой угрозы. Кинжал, спрятанный в рукаве, опаснее обнаженного меча.

Кубок снова переключался на угол стола. Король перевернул пергамент, коснулся шероховатого кровавого пятна и задумчиво потер его пальцем. Потом Геордор Третий тяжело поднялся из продавленного кресла с высокой спинкой и подошел к камину. Взялся за неприметный кожаный шнурок и дернул его два раза. Вернулся к столу, закутался в одеяло и уставился на искорки в углях.

Оставалось только ждать.

* * *

– Ваше величество?

Геордор вздрогнул и попытался открыть глаза. Слипшиеся веки, набрякшие от недосыпания, неохотно распахнулись, заставляя отступить тяжелый сон.

Стол. Догорающая свеча. Потухший камин, пергамент, кубок... Король резко повернул голову.

– Кто это там? – резко спросил он, страхась увидеть костлявую тень в черном капюшоне.

– Это я, сир. Вы звали меня?

Из темноты появилась знакомая фигура с непокрытой головой, и король вздохнул с облегчением. Его время еще не пришло. Не сейчас.

– Здравствуй, Эрмин, – сказал он. – Садись.

Долговязый северянин неслышно скользнул к стулу и аккуратно присел на самый краешек. Его не обмануло теплое приветствие. Ночной гость знал, что его вызвали по делу, а не для дружеской беседы. Он молча смотрел на монарха, ожидая приказа. А Геордор смотрел на него. Гладкое лицо, не знавшее бритвы бладобрея, нос с горбинкой, похожий на клюв птицы, белые длинные волосы и небесно голубые глаза. Настоящий северянин. Кровь древних родов нельзя ни с чем спутать. И лишь глаза... Холодные птичьи глаза, чей зрачок умел превращаться в черную шелку, говорили о том, что перед монархом не просто один из потомков древних родов. Чья кровь в нем проснулась? Сеговар, Битир, Борфейм? Какая разница, Геордор знал,

что Эрмин предан ему душой и телом. Единственный советник, о ком почти никто не знает. Не правая рука короля и не левая. Не меч и не магия. Это шестое чувство, тайное оружие. Это его кинжал, притаившийся в рукаве, верный и надежный.

Геордору исполнилось двадцать лет, а этому светловолосому мальчишке едва десять – тогда и родилась эта верность. И доверие. Принц спас мальчишку. Вырвал из рук королевских магов отца, помог избежать участи худшей, чем смерть, и сумел отстоять решение, впервые серьезно поссорившись с отцом. И это окупилось сторицей, хоть и оставило неизгладимый след на сердце будущего короля и в глазах будущего советника. Неприятные воспоминания.

– Я прочитал, – буркнул король, кутаясь в одеяло. – Ты можешь сказать толком, что там происходит, Эрмин?

Граф Эрмин, единственный наследник полузабытого рода де Грилл, впавшего в немилость у предыдущего монарха, ревностно охранявший тайну своего происхождения и сотни тайн монарха, на этот раз не стал таиться. Ответил честно:

– Не знаю, сир.

– Мало мне проблем на востоке, – ворчливо заметил король, – так и запад проснулся. Ну, что ты можешь сказать? Почему молчат твои люди?

– И опять я скажу – не знаю, мой король.

– Скажи то, что знаешь, и прекрати испытывать мое терпение, Эрмин!

– Простите, сир. Я только что проснулся и еще...

– Пустое, – смягчился король. – Оставь извинения. Говори о деле.

– Положение ухудшилось, милорд. Дарелен пробудился, вампиров становится все больше и больше. Граница кишит ими как дворовый пес блохами. Мои связи в Дарелене потеряны. Пограничная стража не отвечает. От таможенников из Сагема нет вестей третий день. Такое впечатление, сир, что Дарелен готовится нас атаковать.

– Упыри, – буркнул король. – Давно нужно было их прижать. Неужели они все выбрались из проклятого замка и расползлись по округе?

– На первый взгляд это так, сир. Но скажу больше – я никогда не знал, что в Дарелене столько вампиров. Судя по донесениям, их в десять раз больше, чем мы предполагали. Речь идет не только о родне самого старого графа и наследных родах. Среди простых крестьян и горожан их тоже немало. Кажется, где-то разверзлись врата подземного царства и к нашим границам хлынула нечисть, что таилась во тьме сотни лет. Это настоящее нашествие, сир. Дарелен, похоже, пал под этим натиском и окончательно потерян. Боюсь, милорд, следующий черед – наш.

– Проклятье, – выдохнул король, мрачно разглядывая кубок. – Неужели они договорились с Волдером? Колдуны вполне могли сойтись с упырями. Если сейчас Дарелен ударит нам в спину, то нам не устоять. Думаешь, они решатся напасть на нас – открыто, в честном бою?

– Не исключено, сир. Но вряд ли. К сожалению, я потерял связь с западными границами и не могу сказать, что происходит. Но пока упыри проникают на нашу территорию тайком. Это нужно пресечь, сир. Жестоко и быстро. Пока еще есть время.

Геордор протянул руку, взял давно остывший глиняный кувшин и наполнил кубок густым вином, что жгуче пахло гернийскими пряностями. Сделал большой глоток. Поморщился.

– А ты знаешь, что творится на востоке?

– Да, сир. Близится война.

– Ко мне приходил Вильмонт. Он уверен, что мы можем избежать войны, перебросив все войска на восток. В том числе и западные гарнизоны. Что думаешь?

– Может быть, – согласился граф, и в его птичьих глазах отразился огонек свечи. – Тарим может отступить.

– Так ты согласен, что нужно отозвать войска?

– Не знаю, сир. Так мы оставим западную границу без защиты, и упыри...

– Вцепятся в наш бок, как собаки в оленя подранка, – с горечью бросил Геордор. – Что они сделают, Эрмин? Можем ли мы рисковать, оставляя без защиты границу с Дареленом?

– Не знаю, сир.

– Сегодня ты не в себе, Эр. Раньше я редко слышал от тебя такие слова, – с неудовольствием заметил король, прикладываясь к кубку.

– Простите, меня, сир. Настали тяжелые времена для тайных советников. Их советы больше не помогают. Решение остается за вами, ваше величество.

Король нахмурился и отвернулся от графа. Привычно взглянул на камин, ожидая получить хоть чуточку тепла. Но тот давно потух, в углях спрятались последние искорки. Дурной знак? Король нахмурился и крепче сжал древний кубок, желая обрести поддержку предков.

– Знаешь, – тихо сказал Геордор, – мне не хватает твоего отряда. Волка. И его братьев.

– Да, милорд, – отозвался советник. – Мне тоже. Они стоили целой армии. Но были слишком грубы и кровожадны. В них оставалось больше звериного, чем людского. И это их погубило. Они всегда полагались только на силу и в конце концов встретились с такой силой, которую не смогли превозмочь.

– Грубые звери для грубой работы, – произнес король. – Жаль, что Фаомар так и не раскрыл своего секрета моим магам.

– Да, сир, очень жаль, – сухо ответил Эрмин, поджав губы.

Геордор заметил это.

– Не хмурься, – сказал он. – Я все помню.

– И я, милорд.

– Мы столько раз об этом говорили... Они были нужны нам. Они нужны нам и сейчас.

– Но их нет, сир.

Геордор взглянул на советника и встретил прямой взгляд голубых глаз, светящихся немим укором. Король отвел взгляд.

– Последний из них жив, – сказал он. – Не так ли?

– Да, сир, – тихо отозвался граф.

– Ты в этом уверен?

– Да, милорд. По-прежнему нет сомнений, что он прикончил отряд Волка и разыграл собственную смерть.

– Прошло полтора года. В тот раз ты убедил меня, что с последышем не стоит иметь дела. Но все меняется, Эр, все меняется. Ты по-прежнему уверен в этом?

– Да, сир.

– И ты по-прежнему думаешь, что он не годится для работы? Такой боец, что справился с целым отрядом измененных, нам пригодился бы. Прямо сейчас. Одиночка, умеющий действовать быстро, скрытно и беспощадно.

– Милорд... Последыш – умелый боец, но слишком мягок для настоящей войны. Он больше человек, чем чудовище. Он не сможет заменить Волка.

– Но ты знаешь, где его найти?

– Догадываюсь, сир, – тихо ответил советник.

Король с трудом выбрался из кресла, стряхнул одеяло на пол. Подошел к графу и положил руку ему на плечо. Эрмин вздрогнул, словно королевская ладонь обожгла его.

– Найди его, Эрмин, – приказал Геордор. – Нам нужен человек, который сможет решить проблемы на границах с Дареленом. Быстро и без колебаний.

– Человек, сир?

– Нет, Эр, конечно, нет. Нам нужен измененный – тот, что сможет заменить собой целую армию. Эрмин, завтра я отдам приказ о переброске войск на восточную границу. Запад останется без защиты. Брось туда последыша, заткни им эту дыру, заставь его стать нашим защит-

ником. Лучше этого звереныша у нас все равно никого нет. Делай что хочешь – уговаривай, подкупай, угрожай, пытай... Бери что нужно, но пусть он снова встретится с упырями. Насколько я помню, в прошлый раз он весьма удачно погостил в их замке. Не зря его называли Узником Дарелена?

– Да, сир.

– Пусти его в ход как нож, спрятанный в сапоге. Последний удар, последний шанс – он может спасти жизнь. Или оборвать. Ты знаешь, это не моя прихоть. Это единственный выход. Ведь ты знаешь это, Эр?

– Знаю, Геор, – отозвался граф, накрывая ладонью холодные пальцы короля, что сжимали его плечо. – Я знаю.

– Так иди и сделай это. Ради Ривастана.

– Я постараюсь, Геор, – прошептал советник, и королю почудилось, что голубые глаза графа снова стали круглыми, как у птицы. – Постараюсь.

Король похлопал его по плечу – уже не советника, а старого друга – повернулся и пошел к тайной дверце. Его ждала удобная кровать и теплая королевская постель, – необходимая уступка прошедшим годам.

Граф Эрмин де Грилл проводил монарха пристальным взглядом, и встал лишь когда за Геордором закрылась дверь. Бросив взгляд на потухший камин, он тяжело вздохнул и вышел из комнаты через тайный ход, известный лишь ему и королю.

Впереди его ждала только длинная ночь. И в ней не было места для теплой постели.

Глава 1. СЛОВО ЧЕСТИ

Ночь заливала лес чернильными кляксами, завивалась меж густых кустов черными лоскутами, кутала кроны плотным покрывалом тьмы. В зыбком свете луны белели мертвые кости – изломанные ветви деревьев. Отравленные колдовством, мертвые и нагие, они переплетались щербатым узором, и только в самой глубине чащи расходились в стороны, открывая широкую поляну с выжженной землей, сквозь которую робко пробивалась чахлая зелень, умирающая от яда. Никто и никогда не бросил на нее даже взгляда – тот, кто попал на поляну уже не мог отвести глаз от башни, что высилась в центре мертвого круга.

Каменная громада, сложенная из шершавых черных камней, возвышалась над деревьями. Круглая, гладкая, темная, она напоминала жезл мага-великана, уронившего свое оружие в лес. Венчала ее острая игла, что возносилась над кронами столетних сосен и матово блестела в лунном свете подобно острию меча. Темные окна, похожие на бойницы, зияли пустыми провалами. Вход – узкий дверной проем, заполненный тьмой, – напоминал раззявленный в крике рот, навсегда застывший в безмолвной муке. Над входом белел череп – с клыками, каких не бывает у простого человека. Он смотрел на ночного гостя пустыми глазницами и терпеливо ждал, когда тот ступит на порог башни.

Тот стоял у самого порога, взирая на безмолвную каменную громаду. Знал – нужно войти, за тем и пришел сквозь кровь и пламя. И все же внутри болью билась жилка, крича: прочь, прочь от этого места! Он не хотел входить – чувствовал, как там, внутри башни, шевелятся черные тени, жаждущие теплой крови. Среди древних камней кипела жизнь, темная, истекающая злом и ненавистью – но жизнь. Ее он и должен оборвать. Но для этого нужно было сделать шаг вперед, а ему так не хотелось этого делать.

Волосы на затылке стали дыбом – холодный ветер, что пришел из темных глубин леса, подталкивал к башне. Рукоять меча холодила ладонь, и лезвие мягко светилось призрачным зеленым огнем. Пламя разгоралось все ярче и ярче, как путеводная звезда, что зовет за собой усталого странника. И ноги сами сделали шаг – вопреки его воле.

Темный провал двери дрогнул, раскрывая бездонную пасть и готовясь принять жертву. Человек покачнулся, попытался отойти, но ветер толкал в спину, клинок тянул вперед, и ноги сделали еще один шаг. Внутри проема забурила тьма, выбрасываясь наружу темной слюной оголодавшего зверя. Ждала башня, ждали те, что бродили во тьме, ждал ветер... Все на свете хотели, чтобы человек сделал следующий шаг. Но он – не хотел.

Рука с клинком поползла вверх, закрывая лицо от алчного черного провала. Нужно отгородиться от него зеленым светом, только и всего. Просто заслониться, закрыться щитом от этой темноты и постараться отойти. Всего лишь шаг назад, один хороший рывок – и можно навсегда забыть об этом ужасе.

Клинок вспыхнул зеленым пламенем, и руку пронзила острая боль. Сотни маленьких иголок впились в ладонь, впрыскивая в плоть жгучий яд. Рука вспыхнула огнем, вздрогнула, и боль кинжалом ударила в сердце. Меч ожил, дернулся и потащил его вперед, заставил сделать еще один шаг. В спину толкал ветер, помогая мечу. Человек сопротивлялся. Он боролся, не желая становиться игрушкой ожившей башни и пылающего клинка. Он хотел быть самим собой. Назад. Шаг назад...

Меч задрожал и прыгнул вперед, увлекая хозяина в черный проем двери. Тот распахнулся еще шире и выпустил каменные зубы, острые, как клыки вампира. За спиной восторженно взвыл ветер, ударил в спину мягким кулаком, бросил человека в черную пасть...

Сигмон закричал.

* * *

– Нет! – крикнул он, скидывая руки. – Нет!

И открыл глаза.

Солнечный свет лился золотистым ручьем из распахнутого окошка, растекаясь по дощатому полу огненной лужицей. Сигмон приподнялся на локте и свесил ноги с кровати. Осмотрелся.

Стол. Табурет. Грязные стены. Маленькая комната на втором этаже таверны больше походила на стенной шкаф, но сейчас Сигмон был этому только рад. Лучи утреннего солнца заполняли ее целиком, растворяя в теплом сиянии ночные страхи.

– Опять, – пробормотал он. – Опять этот проклятый сон!

Тан встал с кровати и покачнулся. Ухватился рукой за резную спинку кровати и выпрямился, разминая затекшие мышцы. Болела голова, пульсируя старым нарывом. Тан выпил вчера столько, что должен был целый день проваляться в постели – полупьяный и больной. Но Сигмон знал: пара минут – и все пройдет. Его тело изгонит из себя яд, само очистит кровь. У чудовищ не бывает похмелья.

Сигмон подошел к столу, взял кувшин с водой и плеснул себе в лицо. Растер ладонями, смочил чешую на груди. И сразу стало лучше. Боль уходила. Он снова мог радоваться жизни. И радовался бы, если бы не этот сон, что преследовал его уже полгода. Нет, не каждую ночь. Иногда. Редко. Но даже одного раза в неделю хватало для того, чтобы Сигмон чувствовал себя больным и разбитым всю седмицу.

– Лучше бы похмелье, – простонал он и вылил остатки воды на голову.

Подхватив со стола истертое до дыр полотенце, он наскоро вытер голову и выглянул в окно.

День только начинался, но по улицам сновали прохожие, торговцы бойко расхваливали свой товар, а издали доносился перезвон кузнечных молотов. Вегат – город мастеровых. Отсюда рукой подать до северного края, богатого отменной железной рудой. В этом городке полно кузниц, здесь делают и оружие, и броню, и скобяные мелочи, и украшения – все, что только можно сделать из металла. Большой город, богатый. Быть может, именно здесь удастся что-нибудь узнать.

Тан отошел от окна и стал собирать разбросанную по комнате одежду. Надо одеться и спуститься в зал – позавтракать и попытаться разузнать хоть что-нибудь. Он приехал вчера, поздно вечером, и вместо того чтобы сразу начать расспросы, сел пропустить стаканчик вина. Потом второй. Потом... Тан застонал, припоминая вчерашний вечер. Хорошо хоть успел за комнату заплатить. Кажется, он дрался. Вроде бы. Не стоило столько пить. Но тогда, вечером, волной накатила тоска, такая мерзкая и липкая, что смыть ее можно было только вином. Он и смыл. Не просто пригубил, нет, утопил печаль в вине с головой, так, как топятся самоубийцы, кидаясь с моста в реку. Так, как он топил ее едва ли не каждый день.

Натягивая кожаные штаны, Сигмон мрачно подумал, что если бы он остался простым человеком, то давно умер бы от пьянства. Но к худу или к добру, человеком он не был. Чешуйчатое чудовище, наполовину человек, наполовину ящерица, вот кем он стал. Быстрый, сильный, ловкий и чудовищно злой на судьбу. Полтора года назад все было по другому. Была и сила и чешуя, но... Он был счастлив. И тогда казалось, что так будет продолжаться вечно. Но вечно – слишком хрупкое слово.

Он покачал головой и взялся за рубаху. Нет, прочь грустные мысли. Не сейчас. Стоит только пожалеть самого себя, немного похныкать, и тогда рука вновь потянется за стаканом вина. Нет, только не в такое солнечное утро. Оно этого не заслужило.

Заслышав в коридоре тихие шаги, тан замер. Потом быстро накинуд колет и вколотил ноги в крепкие дорожные сапоги. Накинул на плечи толстую кожаную куртку, сшитую из сотни лоскутков, и прицепил к поясу ножны с большим охотничьим ножом.

В дверь постучали, и не робко, как это делают пареньки из прислуги. Нет, бухнули в доски сильно и уверенно, крепким кулаком. Сигмон прислушался – двое. Он слышал их хриплое дыхание и чуял запах дешевого пива.

Взгляд привычно нашарил дубинку, с которой он путешествовал последние полгода. Толстый кусок черного дерева длиной в три локтя, крепкий, как железо, и тяжелый, словно свинец. Не просто палка – оружие, что творит чудеса в умелых руках. Даже если не принимать во внимание кинжал, скрытый неизвестным мастером внутри крепкого дерева. Клинок редко покидал свое убежище – Сигмон умел обращаться с палкой и не желал другого оружия. Меча он не носил с тех самых пор, как расстался с эльфийским клинком. Его тан забросил в горящие развалины родового имения и дал себе слово больше не брать в руки меча.

В дверь снова постучали, да так что она затрещала, грозя соскочить с петель.

– Кто там? – крикнул Сигмон, подхватывая дубинку.

– Стража! – рявкнули из-за двери. – Ты, что ль, охотник Сигмон?

– Я, – отозвался тан, пытаясь припомнить, что он болтал вчера вечером за стаканом вина.

– Давай, натягивай свое шмотье. Тебя ждет городской глава.

– Меня? – искренне удивил тан. – Городской глава?

– Ты чо, глухой? – рявкнул второй стражник. – Быстро вытряхайся из комнаты! А то отправишься к его светлости как есть, с голым задом!

– Иду, – откликнулся Сигмон, быстро осматривая комнату – не забыл ли чего.

– Ну!

Тан подхватил свою дубинку и распахнул дверь. Крепкая рука ухватила его за плечо и вытащила в коридор.

– Потише! – огрызнулся тан.

Стражников оказалось двое – крепкие толстомордые ребята в кольчугах, раздобревшие на казенных харчах.

– Шагай, – буркнул один из них, и Сигмон послушно двинулся к лестнице.

– А что его светлости от меня надо? – спросил он, не оборачиваясь.

– Ну, как же, – отозвался басом стражник. – Ты же охотник на вампиров? Вот его светлость и хочет поручить тебе одно дельце. Тут вишь, как говорит писарь, проблема у нас образовалась.

Сигмон ла Тойя, что вчера с пьяных глаз назвался охотником за вампирами, беззвучно застонал и стал спускаться по лестнице.

* * *

Глядя на заплывшие жиром щеки, на второй подборок уютно устроившийся в кружевах, Сигмон подумал, что городской глава больше похож на купца, чем на графа Рорнора де Виля, что двадцать лет назад проложил себе дорогу к власти мечом. Тан слышал об этой истории – в одном из кабаков, по дороге в Вегат. В те времена молодой и отчаянный граф из обедневшего рода, рано оставшийся сиротой, приехал в город искать лучшей доли. Вскоре, он возглавил одну из шак громил, которыми кишел город мастеровых. Потом подгрел под себя всех остальных, действуя и словом и клинком. Уговорил и городской совет купцов, а потом занял место городского главы, заручившись расположением герцога Гэмила Сеговара.

Теперь же, рассматривая сильно располневшего Рорнора, тан видел перед собой купца, что сражался нынче не клинком, а толстым кошельком.

Подстать хозяину и комната: большой светлый зал, богато украшенный коврами, статуями и картинами, больше напоминал купеческий дом, чем зал совета в городской ратуше. Граф восседал за огромным столом, уставленным закусками и кувшинами с вином – видно, предпочитал разговаривать о делах за едой. Сам Сигмон, как и положено просителю, стоял в центре комнаты, перед столом, и под изучающим взглядом городского главы чувствовал себя весьма неуютно.

– Что же, – вяло сказал граф, закончив осмотр гостя, – выглядишь ты крепким. Как там тебя?

– Охотник Сигмон, ваша светлость, – живо отозвался тан, решивший не отступать от роли простолоудина. Он не боялся называться настоящим именем – Сигмонов в Ривастане в достатке. Достаточно опустить имя предков, и станешь одним из многих.

– Охотник... – пробормотал Рорнор, запуская пятерню в блюдо с нарезанной ветчиной. – И на кого ты охотишься?

– На всех, кто отличается от людей, ваша светлость.

– Вот, значит, как, – пробормотал граф, берясь за кубок.

Тан не ответил. Он не собирался облегчать задачу Рорнору и ждал, что тот сам заведет разговор о вампирах. Слишком уж часто при его словах о кровососах люди отворачивались и кашляли в кулак, пытаясь сдержать усмешку.

Городской глава одним махом выпил кубок вина, зажевал ветчиной, не отрывая взгляда от гостя. Тот молчал. Граф рыгнул и отвел взгляд.

– Вот что, – сказал он. – Есть для тебя дело, охотник.

– Слушаю, ваша светлость.

– На южной окраине пропали два мастера. Хорошие мастера, рукастые да башковитые. Полезные. Ты пойди их поищи. Разузнай, что к чему. Потом поговорим.

– А стража-то на что? – бросил тан, не собираясь заниматься чужими заботами. – Их это дело, по околотку шнырять.

Граф грозно сдвинул брови, бросил на гостя злой взгляд.

– Не дерзить! – велел он. – Цепи в нашем городе крепкие!

– Прошу прощения, ваша светлость, – неохотно отозвался тан, решив, что еще один побег из темницы ему совершенно не нужен, – человек я грубый, с людьми общаюсь редко. Все больше по лесам, в одиночку. Одичал немного.

– То-то, – буркнул граф. – Сделаешь, что сказано. Поможешь разобраться с делом, получишь плату. Будешь бузить – примеришь на себя оковы. Понял?

– Точно так, ваша светлость, – покорно отозвался Сигмон. – Но все же, позвольте заметить, в страже я не служил и сыску пропавших не обучен. Другое у меня ремесло. Так что вряд ли окажусь полезен, ваша светлость.

– Ишь, – буркнул граф, – как про цепи разговор, так сразу и дикость вся прошла. Ни при чем тут стража. Для тебя дело, в самый раз.

Тан переступил с ноги на ногу и сделал вид, что жутко заинтересован словами графа. Тот помялся немного, покрутил в пухлых руках опустевший кубок, и продолжил:

– Пропали они ночью. Говорят, обстоятельства исчезновения весьма таинственны. Стража сделала все что потребно, но ничего не нашла. И есть такое мнение у людей знающих, что на южной окраине объявился упырь. Видели его в ту самую ночь недалеко от дома одного из мастеров.

– Упырь? – хмыкнул тан. – Люди часто видят то, чего нет на самом деле, ваша светлость. Не проще ли нерадивой страже списать все на чудовище, да на том и успокоиться?

Рорнор нашарил среди тарелок лист пергамента, поднял его к самому носу и прочитал:

– Был темен ликом, двигался быстро и бесшумно. Лицо как серая терка, ноздреватая и шершавая, похож на покойника, клыки до нижней губы, глаза красные, горят. Волос на голове мало, редкие, похожие на истертое мочало.

Тан прикрыл глаза. Точное описание вампира в облике, готового к нападению. Горожане в самом деле видели вампира – на свою беду и на радость самому тану. Похоже, ему удалось напасть на след. Не зря он шел сюда, в Вегат, ловя малейшие слухи о появлении вампиров. Тщательно, очень тщательно тан отделял кабацкие враки от правды и наконец пришел по следам в город мастеровых. И вот, удача, сразу и наткнулся на то, что искал. Тогда, в Ташаме, ему сказали, что одинокий упырь ушел на север. И тан двинулся следом. Догнал?

– Э, – бросил граф, – ты заснул, что ли, охотник?

– Никак нет, ваша светлость, – отозвался тан.

– Встречался с вампирами?

– Так точно.

– Похож наш упырь на твою дичь?

– Очень, ваша светлость.

– Вот тебе и работа, охотник, – рассудил Рорнор, наливая в кубок вина. – Приступай.

– Десять золотых, – отозвался Сигмон, зная, что, не потребуй он плату, будет выглядеть не охотником, а бродячим дурнем с длинным хвастливым языком.

– Что? – искренне удивился граф. – Как десять?

– За упыря, что людей жрет, десятка – обычная ставка, – пояснил тан, припоминая истории, что слышал в кабаках.

– Жаден ты, охотник, сверх меры, – упрекнул гостя городской глава. – Того упыря даже не видел. Ты сначала дело сделай, потом поговорим о деньгах.

– Десять золотых, ваша светлость, – отрезал тан. – Договоримся заранее, как есть, было и будет. И половину вперед, на расходы.

– Пять за все, – бросил граф и в его глазах зажегся огонек торговца, не желающего упустить выгоду.

– Девять, – уступил Сигмон, искренне забавляясь.

– Шесть! – пухлые щеки графа пошли красными пятнами.

– Восемь, – отозвался тан. – Только для вас, ваша светлость. Восемь после работы и никакого задатка.

– Без задатка? – задумчиво пробормотал де Виль, поглаживая подбородок. – Идет. За срочность. Нынче же ночью идешь на охоту и завтра ко мне на доклад.

– Зачем такая спешка? – осторожно осведомился тан. – Не могу обещать, что выслежу упыря за одну ночь. Хитрые они, бестии.

– А ты постарайся, – не попросил, а приказал граф. – Не желаю, чтобы тут у меня под боком гнездо упырское появилось. Один – куда ни шло, много не сожрет. Но ведь он, подлец, перекусает мне мастеров да в нежить обратит. Нет, охотник, берись за дело прямо сейчас.

– Не обратит, – Сигмон ухмыльнулся. – Один упырь и будет.

– Да ну? – нахмурился Рорнор. – Может, когда раньше так и было. А сейчас время неспокойное. Упыри по всей границе появились, так и лезут из чащобы, плодятся на глазах. Вон, в Свечном, что у северного кряжа, тоже один появился, зимой еще. Через неделю их там уже десяток собрался, еле вывели, мага специально выписали у герцога.

– Слухи это, – отмахнулся Сигмон, – не верьте, ваша светлость. У страха глаза велики. Не бывает такого. Или сразу десяток упырей в город пришел, или стража от испуга простых людей под горячую руку в упыри записала. Только вампиры по десятку не ходят. Не так их много, как кажется.

– Да? – засомневался городской глава и почесал нос. – Что-то ты темнишь, охотник. Цену себе набиваешь?

– Никак нет, ваша светлость.

– Ладно. Ступай. Принимайся за работу тотчас. И завтра жду с докладом, а лучше сразу с головой упыря.

– Уже иду, ваша светлость, – живо отозвался тан, с облегчением расправляя затекшую спину.

– Упокой упыря. И деньги твои. Мое слово.

– Я освобожу город от упыря, – пообещал тан. – Даю слово.

– Договорились, охотник.

Сигмон поклонился, повернулся и направился к выходу.

– И вот еще что, – бросил Рорнор в спину гостю, – ты уж постарайся. Упокой упыря. И если случайно человека какого зацепишь по ошибке – не пугайся. Прощу. Лучше пару невиновных извести, чем одного вампира упустить. Понял, охотник?

Тан резко обернулся и глянул на городского главу с ненавистью. Да так зло, что тот откинулся на спинку кресла.

– Понял, – тихо сказал Сигмон, – как не понять, ваша светлость.

– Вот и ступай, – велел городской глава, нашаривая кубок с вином.

Тан вышел из зала, сжимая кулаки. Городской глава! Он должен о людях заботиться, каждого ценить, любого привечать да оберегать. А просит, чтобы охотник убивал всех, кто под руку подвернется. Сигмон сжал зубы. Он не убийца. Не чудовище. И пальцем никого не тронет, даже того вампира, что случайно забрел так далеко на север. Выплет ему, конечно, для разума, и отправит домой, в Дарелен. Чтобы сидел и не высовывался. Ведь, судя по повадкам – юнец, младший в роду, что отправился искать приключений на свою серую задницу. А если он двоих мастеров уморил, то так его нужно отделать, чтоб до следующего века не оправился. Но убивать...

Сигмон вздрогнул, вспоминая меч, пылающий зеленым огнем, теплый фонтан крови, что плеснул в лицо... Нет. Больше никогда. Тан подумал – может, его поиски наконец окончены, но тут же придушил в себе надежду. Чтобы не сглазить. Сколько раз так ошибался! И глядя в серое ноздреватое лицо, его сердце в очередной раз обливалось горячей кровью... Нет.

В таверну он так и не вернулся. Отправился сразу в южный квартал, задержавшись только на выходе из городской управы, чтобы взять квиток, подтверждающий, что охотник исполняет поручение городского главы. В городе много стражников. И Сигмон не собирался с ними ссориться.

* * *

Солнце запуталось в верхушках западного леса, и на город мастеровых легла тень. Вечер не стал помехой для мастеров – звон кузнечных молотов разносился по округе тугой волной. Сегодняшнее задание нужно выполнить в срок, и не беда, если темнота опустится на широкие улицы – у горна всегда светло и жарко. Темнота кузнецам нипочем. И птицам.

Черные крылья упруго резали вечерний ветер, заставляя его тихо шептать. Городская ворона, самая обычная, каких двенадцать на дюжину, облезлая и поджарая, как голодающий пес, кружила над южным кварталом города мастеров. Птичьи глаза привычно отмечали мусорные кучи, где можно пожить помями, но крылья несли ее все дальше и дальше. Пожалуй, в другое время она бы отправилась на север, к кварталу скорняков, благоухающему сырыми шкурами, где всегда можно чем-нибудь пожить. Но сегодня вечером не до еды. Она и сама не знала, почему ветер несет ее к кузницам. Но вот внизу мелькнула тень, и птичьи глаза мигнули, на мгновенье наполнившись разумом.

Крылья сложились, и птица камнем упала к земле, словно не ворона, а ястреб. Заложив крутой виток вокруг остроконечной крыши лавки медикуса, ворона вылетела на узенькую

улочку, взмахнула крыльями и опустилась на деревянный конек кузницы. Утвердилась на нем, переступила с ноги на ногу и зыркнула в темноту. Очень хотелось каркнуть, но горло вдруг сдавило невидимой силой. Голова сама по себе повернулась в сторону, а черный глаз выхватил из темноты зыбку тень.

Человек. Затаился на краю крыши, словно голодная рысь на ветвях дерева. Ждет. Под ним зыбко колеблется черный полог темного переулка. Все в порядке. Все идет как должно – ворона знала это наверняка.

Взмахнув крыльями, она тяжело вспорхнула с крыши кузницы и стала подниматься над городом. Осталось только слетать к маленькому неприметному домику на самой окраине, и тогда можно будет спокойно отправляться к помойке в квартале скорняков – на вечернюю трапезу.

* * *

Сигмон осторожно взялся за край крыши и взглянул вниз. Невысоко – всего один этаж. Для него суший пустяк – как высокая ступенька для человека. Но сколько выгод в таком положении! Тот, за кем ведется охота, и не подумает посмотреть наверх: будет опасно озираться, с подозрением осматривать темные углы, обходить стороной раскидистые кусты. И никогда не взглянет наверх – люди отвыкли бояться летающих хищников. И вампиры. Сигмон не раз в этом убеждался и потому заранее присмотрел себе местечко для засады.

Быстро темнело, и тан радовался, что предусмотрительно забрался на крышу заранее. На город опустились густые сумерки, и кровосос вполне мог выйти на охоту пораньше, не опасаясь солнечных лучей. Сигмон не мог себе позволить спугнуть добычу, поэтому забрался на крышу маленькой скобяной лавки сразу после обеда и затаился, как мышь под веником. Ни одна живая душа его не заметила, даже сам владелец лавки. Тан давно научился быть невидимым и неслышимым – бродячая жизнь быстро этому учит. И если бы он выслеживал человека, то, пожалуй, и не стал бы забираться на крышу – управился бы и на земле. Но сегодня он охотился на вампира и не хотел рисковать. Слух упырей ничуть не хуже, чем его собственный, а живую кровь они чувят издалека.

Желоб дождевого стока едва слышно хрустнул и Сигмон замер. Медленно отнял руку от желоба. Быстро окинул взглядом место охоты и попытался найти изъян в своем плане. Не получилось. Его чутье просто кричало: все случится здесь – так же, как вчера.

Днем Сигмон прошелся по этой улочке в сопровождении стражи – городские мордороты нипочем не хотели отпускать приезжего бродить в одиночку по их владениям. Не доверяли. Высмеивали. Ревновали. Но при том сами боялись упыря до холодного пота и не мешали тану вынюхивать след. Они провели его по всей округе, и только тут, у этой лавки, он на миг замешкался. Почуял кровь – так ясно, словно сам ее пролил. Из переулка пахло смертью и жизнью, кровью и тленом. Тан чувствовал след кровососа, да так отчетливо, что, будь он собакой, шерсть у него на загривке встала бы дыбом. Но он не подал виду, что обеспокоен. Просто откашлялся и двинулся дальше. Потом все уладилось просто – тан легко отделался от стражников, сказав, что идет в таверну на обед. Те не стали его провожать, им предстояло обойти весь южный квартал. Сам Сигмон успел даже перехватить жареной колбасы в ближайшем трактире, а потом спокойно вернулся туда, откуда раздавался зов крови.

Самое что ни на есть подходящее место для вампирской охоты. Узенькая улочка, несколько домов. Рядом, на пяточке, три кузни. Это не замызганная окраина города, нет. Вампир не станет кормиться с краю, довольствуясь обьедками как бродячий пес, прячась от каждого шороха. Гордость не позволит. Но и не схватит жертву посреди главной площади – если только не лишился рассудка. Нет, кровосос выберет самое обычное, ничем не примечательное место, где никогда не происходило ничего волнительнее потасовки пьяных подмастерьев, и

просто возьмет то, что нужно. Подойдет и заберет жизнь, мимоходом, легко и свободно, как человек срывает цветок. Без лишнего беспокойства и волнений. Если это упырь, что наслаждается смертью жертвы.

Сигмон еще раз оглядел задний двор. Да. Все так и есть. Именно по нему должен будет пройти припозднившийся мастер, чтобы немного срезать дорогу. Будет идти из кузни, напрямик, задними дворами. Тут до улицы рукой подать, и лишь в одном месте, между стеной лавки и широким кустом, царит тень. Темная полоса, глубокая как море, заметная даже вечером. Узенькая – сделай всего один шаг, и ты снова на виду. Но тан знал: этот шаг станет для жертвы последним. Человек просто нырнет в тень и уже не выйдет из нее. Именно так и случилось с тем мастером, что проходил тут вчера. И с тем, что свернул в этот дворик позавчера. Его хватились не сразу, и показалось, что оба мастера пропали одновременно. Но тан знал: вчера и позавчера. Он чуял их кровь.

Но тут таилась и загадка – Сигмон не ощущал смертного запаха. Люди не погибли. Это бывает – не всякий вампир убивает свою жертву, вовсе не все из ночного народа проявляют бессмысленную жестокость. Тан знал таких вампиров, и очень надеялся, что его поиски окончены. Но, с другой стороны, куда подевались мастера, если остались живы? Отлеживаются после кровопускания в каком-нибудь темном углу? Нет, чушь, чушь. Собачья, развесистая...

Вдалеке раздались шаги, и Сигмон скосил глаза. Идет человек – уверенный и усталый. Мастер возвращается из кузницы задними дворами, решив срезать дорогу – точно так, как тан и предполагал. Ну что же, осталось только подождать немного и все станет ясно.

Не хрустнула ветка, не зашуршала одежда, не сгустились тучи. Просто из темноты потянуло холодком, и пальцы Сигмона крепче сжали черное дерево дубинки. Упырь здесь. Он пришел. Выскользнул из-за дома, притаился в тени, а теперь, почуяв добычу, выдал себя.

Тан бесшумно втянул носом ночной воздух и попытался рассмотреть того, кто таился в чернильной темноте заднего двора. Пальцы дрогнули. Два. Два кровососа! Проклятье! Говорили же только об одном, откуда взялся еще один? Неужели из-за его ошибки теперь все пойдет не так как нужно?

Сигмон забеспокоился и пошевелился. План разваливался на глазах. Минуту назад он был уверен, что успеет перехватить одного упыря, но двоих разом... Не успел тан как следует удивиться, как вдруг почувствовал еще одно касание. Легкое, мимолетное, словно след весеннего ветерка в летнюю ночь. Третий! Три упыря таились в тени. Два неуклюжих, воняющих тленом упыря и третий – легкий и загадочный, умело прятавший свою сущность. Старший.

Тан даже привстал, уже не заботясь о том, что его заметят. Пусть. Он трепетал, не в силах поверить в то, что его поиски окончены. Это было бы слишком просто. Но этот третий... Да, он похож.

Все случилось очень быстро. Мастеровой – широкоплечий мужик в прожженном искрами кафтане – скользнул по двору, стараясь побыстрее миновать глухие задворки. Навстречу ему из глубокой тени шагнули два темных силуэта. Один из них коснулся плеча кузнеца, тот рванулся назад, с неожиданной силой вырываясь из смертельных объятий. Ему это почти удалось, но второй упырь схватил его за шею, и тело мастера сникло, безвольно повалилось в пыль. Упыри склонились над ним, а из темноты к ним вышел третий – легко и бесшумно, как призрак. И только тогда тан очнулся.

– Арли! – крикнул он.

И прыгнул в темноту.

* * *

Граф Эрмин де Грилл опустился на корточки и сунул в чадающий камин длинную кочергу с деревянной ручкой. Стараясь не обращать внимания на удушливый дым, он начал ворочать

кочергой направо и налево, сражаясь с затухающими угольями так яростно, словно они были изменниками. По чести говоря, советник короля даже не догадывался, что нужно сделать, чтобы этот проклятый камин перестал чадить и вел себя как положено законопослушному очагу. Но просьба короля – это воля монарха, не больше и не меньше.

– Что там, Эрмин? – осведомился Геордор, отвернувшись от стола.

Этим вечером король зажег сразу три свечи, стараясь не думать о том, что свет могут заметить снаружи. Проклятые карты, что принес маршал, были сплошь усеяны мелкими значками, и в полутьме секретной комнаты король никак не мог их разобрать. А еще проклятый камин душит гарью, словно шпион-отравитель.

– Пока ничего, ваше величество, – мрачно отозвался граф, тыча кочергой в огромный кусок только что принесенного им угля.

Король кашлянул и склонился над картой восточного герцогства. Иссохший палец с пожелтевшим старческим ногтем скользил по хитросплетению стрелок и черточек, а Геордор бормотал про себя проклятия. Дышать становилось все труднее. Наконец он не выдержал.

– Эрмин, хватит. Стало только хуже. Невозможно дышать!

Граф с отрешенным видом поднялся на ноги и аккуратно прислонил кочергу к железной решетке. Потом скрестил руки на груди, испачкав сажей ворот свежей сорочки, видневшейся из-под темно-зеленого камзола, и взглянул на монарха.

– Послушай, Эрмин, – сказал Геордор, заметив в глазах графа немой укор, – неужели ты не можешь найти человека из прислуги, которому мы смогли бы доверить тайну этой комнаты?

– Нет, ваше величество, – отозвался де Грилл. – Больше того. Я бы хотел уменьшить число тех, кто знает о вашем убежище. Один удар кинжалом...

– Перестань, – король нахмурился. – Это уже не так смешно, как раньше.

Граф коротко поклонился и замолчал. Король посмотрел на карту, прикрыл глаза, а потом снова взглянул на графа.

– Как там последыш? – спросил он. – Ты его нашел?

– Да, ваше величество, – тихо отозвался Эрмин. – Я знаю, где он.

– Ты уже отдал ему приказ?

– Еще нет, сир. Нам еще не довелось поговорить.

– Вот как? Поторопись с этим, Эрмин. Времени остается все меньше. Западные гарнизоны отправляются на восток – решение принято и его не отменить. Армия будет идти долго. Это не так просто – переправить войска с одного края страны на другой. И все же... С кровососами нужно управиться как можно скорее. Я хочу знать, что они замышляют. Пока у меня есть еще время отдать приказ и оставить на восточной границе резервные силы. Но это ослабит восток, а там нам нужны все наши силы, все – до последнего отряда. Я хочу, чтобы последыш немедленно отправился в Дарелен.

– Да, сир. Понимаю.

– Где он сейчас?

– В городе Вегате, сир.

– Это недалеко от Дарелена. Хорошо. Пусть немедленно отправляется на границу. Слышишь, Эрмин, немедленно.

Король нахмурился, словно припомнил нечто важное, что упустил из виду.

– А как ты заставил его слушаться? – спросил он. – Ведь вы же еще не разговаривали?

– Он сам захочет этого, сир, – отозвался граф, и его губы тронула едва заметная улыбка.

– Ты уверен?

– Верьте, мне, сир. Все устроится как нельзя лучше.

– Хорошо.

Король нахмурился и склонился над картой. Камин погас, и дышать стало легче. Из окна, приоткрытого старым копьём, пополз вечерний холод. Король, углубившийся в планы

обороны, составленные маршалом, поежился и стал нащупывать одеяло. Заслышав за спиной шорох, он вскинул голову.

– Ты еще тут? Эрмин, ступай. Я сказал – немедленно. Сделай все, чтобы он отправился к упырям.

Граф моргнул обоими глазами словно птица, и Геордор поморщился – он терпеть не мог, когда Эрмин вел себя как измененный. Надо напомнить ему об этом. Еще раз.

Но де Грилл коротко поклонился и пропал в темном углу. Король посмотрел ему вслед, покачал головой и снова склонился над картами. Сегодня он не мог позволить себе лечь спать. Сегодня, завтра, послезавтра...

Мирное время кончилось. Близилась война.

* * *

Сигмон упал в пыль и присел, коснувшись земли коленом. Уже на лету он все понял и даже успел застонать от разочарования. Опять.

Двое упырей неуклюже терзали упавшего кузнеца и только приподняли головы при появлении тана. Третий подался назад, спрятавшись от света луны в темном уголке, и замер, наблюдая за незванным гостем. Но, перед тем как вампир исчез, Сигмон успел рассмотреть его лицо. Вампир не принял облик упыря, и тан увидел лицо юноши, едва разменявшего третий десяток лет. Юноши злого, испорченного, со злорадной усмешкой на устах.

Тан медленно выпрямился, сжал зубы и переложил дубину в правую руку, сжав ее, словно меч. Взглянул на мастерового, распростертого в пыли, и сжал зубы. Он слишком долго медлил, не был готов к появлению других упырей и – опоздал.

– Пошли прочь, – с отвращением бросил тан упырям, что стояли на коленях у тела кузнеца.

И только слышав его голос, голос живого человека полного теплой крови, упыри кинулись на него. Разом, с земли, без всякого предупреждения, как оголодавшие волки. Тан успел почувствовать волну злобной радости, исходящей от Старшего, что притаился в темноте, а потом скользнул навстречу упырям.

Эти двое двигались неуклюже, словно разучились ходить. Слишком медленно по сравнению с Сигмоном. Оба попытались принять облик, но вышло у них плохо, неумело, и теперь их лица напоминали оплывшие восковые маски. Скорее всего, это были Младшие – вампиры с примесью человеческой крови, вампиры-недоделки, что почти не отличались от простых людей. Сигмон ничуть не опасался их, просто не хотел, чтобы эти двое помешали его разговору с третьим – настоящим Старшим вампиром.

Он легко увернулся от цепких рук и пустил в ход дубинку. Всего лишь еще одно сражение. Небольшая потасовка. Руки легко вспомнили привычные движения и распрямились со щелчком, как гномий механизм, заученно нанося удар.

Один из упырей с рычанием повалился на землю – взмах Сигмона раздробил ему колено. Второй получил тычок в грудь и опрокинулся навзничь. Сдавленно захрипел – крепкая дубина сломала ребра.

Тан повернулся к темному углу, где притаился Старший вампир. Он и не думал помогать сородичам – ждал, чем закончится схватка.

– Выходи, – велел тан. – Твоя охота окончена.

Вампир бесшумно выступил на лунный свет. Длинный черный плащ, так любимый всеми упырями, скрывал его худую фигуру, высокий воротник подчеркивал вытянутое лицо с худыми скулами, а на лоб падал черный, как смоль, локон. Старший. Настоящий вампир. Скорее всего – один из младших сыновей какого-то Дареленского рода.

«Далеко забрался, подлец», – подумал Сигмон.

– Человечек, – прошипел юнец, тонко, неумело, подражая кому-то из старших. – Быстрый человечек.

– Намного быстрее, чем ты думаешь, – предупредил тан. – Но не бойся. Ответишь на мои вопросы и можешь убираться в Дарелен. Я тебя отпущу.

– Отпустишь? – зловеще осведомился вампир. – Я не ослышался? Ты отпустишь меня?

– Ты достаточно долго пробыл в этом городе, – ответил тан. – Пора тебе уходить. Ночь в разгаре. Ты найдешь коня, что согласится нести упыря, и уберешься прочь из города. Но прежде ты ответишь на мои вопросы. Иначе...

Упырь недослушал – прыгнул вперед, мгновенно приняв облик чудовища с серым лицом, длинными клыками и острыми когтями. Он целил в горло, но тан успел увернуться. Этот танец был хорошо ему знаком.

Юнец оказался проворнее родичей, но он был молод и неопытен. Упырь слишком привык к беспомощным жертвам и даже не думал, что получит отпор.

Для начала тан сломал ему правую руку ударом дубины. Потом, нырнув под удар левой, обхватил за торс, приподнял кровососа и бросил о землю. Угостил хорошим пинком в ребра, а потом навалился на него и заломил руки за спину. Сигмон был просто сильнее упыря, он мог разорвать этого юнца голыми руками, как соломенную куклу, но сейчас тан не хотел новых смертей. Он хотел, нет, он жаждал получить ответы на вопросы.

– Итак, – сказал он, прижимая шипящего юнца к земле, – вопрос первый. Ты знаешь Арли де Сальва?

Упырь не ответил – забился в пыли, пытаясь вывернуться из хватки Сигмона, но тот держал крепко. Не первый раз ему приходилось сдерживать упыря. За последние полгода ему встретилось много несговорчивых вампиров, из которых приходилось выбивать ответы. И этот юнец оказался, пожалуй, самым слабым из них.

– Ладно, – сказал тан, ощупывая сломанную руку упыря, что уже начала срастаться. – Не знаешь, где Арли?

Вампир прошипел что-то неразборчивое, и этот ответ Сигмону не слишком понравился.

– Второй раз будет больнее, – честно предупредил тан. – Я...

Удар в спину застал его врасплох и смел тана с пленника. Он успел только разжать руки и кувыркнуться по земле, выпустив из рук дубину.

Боль расплзлась по чешуйчатой шкуре горячим пятном, но еще больнее было оттого, что прозевал удар. Поднимаясь на ноги, тан пылал от ярости. Такого просто не должно было случиться. Он так увлекся пленником, что прозевал новую атаку... И чуть не прозевал следующую.

Оба Младших ринулись в бой одновременно. Сигмон в растерянности уворачивался от их ударов, не понимая, что происходит. Они должны валяться на земле, корчась от боли, как простые люди, но их раны исцелились – совсем как у настоящих вампиров. Такого просто не могло быть.

– Взять его! – крикнул юнец, поднимаясь с земли. – Взять!

Тан увернулся от удара когтистой руки и отступил. Юнец, пылая гневом, кинулся в бой, намереваясь взять реванш за свое унижение. Его вела ярость, и ошеломленный Сигмон не успел отойти.

От удара он отлетел в сторону, чувствуя, как наливаются кровью царапины на лице. И это отрезвило его. Один, двое, трое? Какая разница? Сейчас добраться бы до дубины...

И, когда они навалились втроем, он начал действовать.

Тан Сигмон ла Тойя никогда не умел драться на кулачках. Вернее умел, но не считал это подобающим занятием. Вот благородный клинок – другое дело, а кулаками только позорить военную честь. Но тот Сигмон остался далеко в прошлом, и его юношеские убеждения редко вспоминал тан нынешний. Этому не раз приходилось драться кулаками. И с осмелевшими

упырями, и с пьяными солдатами, и с завсегдатаями шумных кабаков, где он останавливался пропустить стаканчик другой. И всякий раз Сигмон радовался, что больше не носит с собой клинок. Иначе его руки снова обагрились бы кровью...

Первому вампиру он отвесил прямой удар в лицо – точный и сильный. Под костяшками кулака хрустнули кости, и упырь кувырком полетел на землю. Второй успел ухватить Сигмона за плечо, но тот легко перехватил цепкие руки, дернул за них и швырнул врага прямо под ноги Старшему. Тот перепрыгнул через Младших, замешкался, и тан подсек ему ноги, повалив в общую кучу.

Потом Сигмон шагнул в сторону и подхватил оброненную дубинку. Обернулся.

Упыри поднимались – удары Сигмона не причинили им особого вреда, и они не собирались отступать. Юнец исходил злобой, он жаждал крови Сигмона, и его воля гнала в бой озверевших от запаха свежей крови Младших.

На этот раз Сигмон не стал церемониться. Схватка и так слишком затянулась.

Вампир даже не успел вскинуть руки и повалился на землю с расколотой головой – черное дерево дубинки по крепости не уступало железу. Второй Младший успел царапнуть Сигмона по плечу, но тан выхватил из дубинки скрытый кинжал и одним ударом вогнал его в лоб упыря на всю длину.

Сталь с каплей эльфийского серебра прожгла голову вампира насквозь, как кислота алхимика, и упокоенное тело рухнуло к ногам тана.

Юнец даже не пытался напасть. Он был молод и горяч, но вовсе не глуп. Когда второй упырь рухнул на землю, Старший бросился бежать.

Сигмон догнал его в два прыжка и ударил по ногам дубиной. Вампир кубарем покатился по земле.

Извиваясь в пыли, юнец шипел гадюкой, и все пытался цапнуть тана за сапог. Но Сигмон поставил ногу на грудь вампира и поднес к его лицу кинжал с эльфийским серебром.

– Последний шанс, – сказал Сигмон.

– Отпусти меня! – зашипел вампир, сверкая угольями глаз. – Теперь я узнал тебя, узнал! Ты – Узник Дарелена!

– Вот как? – равнодушно отозвался тан. – Приятно знать, что тебя помнят.

– Я был там, – отозвался упырь. – Тогда, в зале, когда ты разделался с Тератом. Я из рода Нако и был на твоей стороне, Узник. Не убивай меня!

– Ага, – сказал Сигмон, убирая ногу с его груди. – Вот и ответ. Значит, ты знаешь Арли де Сальва.

– Знаю, – согласился вампир, меняя облик упыря на человеческий. – И я расскажу тебе все, что хочешь, только спрячь серебро!

– Я тебе уже давал шанс ответить на вопросы, – напомнил Сигмон, не убирая клинок от лица упыря.

– Тогда я тебя не узнал, – отозвался юнец, пытаясь выдавить из себя приветливую улыбку. – Если бы ты назвался, Узник, я бы сам все рассказал тебе. Я знаю, что ты ищешь.

– Правда? – Сигмон приподнял бровь. – Ну что же, я смотрю, ты умнеешь на глазах. Впрочем, я догадывался, что так и будет. Кинжал у носа творит настоящие чудеса со здравомыслием и простых людей, и упырей. А теперь – рассказывай.

Вампир лежал на спине, не отводя взгляда от острого клинка, что едва не касался кончика его носа. Его гнев угас, и бравада сменилась отчаянным страхом. Сигмон чувствовал, что юнец по-настоящему напуган, и больше его именем, чем эльфийским серебром. Пожалуй, нужно было представиться. Быть может, тогда обошлось бы без лишней крови.

– Арли де Сальва, – тихо сказал вампир и облизнул разбитые губы, – ты ищешь ее, Узник? Сигмон шевельнул кистью, и клинок вспыхнул огнем, поймав на острие лунный свет.

– Я слышал, что ее видели в Ташаме, – быстро сказал упырь. – Она жила там одна, не решаясь вернуться к брату. Говорят, он очень сердит на нее, Узник. За то, что она ушла к тебе.

Сигмон знал этот город. Ташам стоял на самом краю дикого леса, отделявшего Ривастан от вольного графства Дарелен. Через него шла единственная верная дорога через лес. Большой торговый город, город таможенников и пограничной стражи. В нем легко затеряться.

– Я был там недавно, – сказал тан. – И никого не нашел.

– Она прячется, – отозвался юнец. – Наверно, она скрывается и от брата и от тебя.

– Около Ташама я встретил одного вампира из клана Крата, – задумчиво произнес тан. – Сначала он был не слишком общителен. Но потом разговорился – совсем как ты. И он сказал, что Арли не появлялась в городе.

Снова вспыхнул клинок, играя со светом полной луны.

– Он солгал, – быстро проговорил юнец. – Или сам не знал. Говорят, она ни с кем не общается, даже с родней.

– А ты, выходит, знаешь? – с угрозой осведомился Сигмон, покачивая кинжалом.

– Я рассказал тебе все, что слышал! – с отчаяньем произнес вампир, не отводя взгляда от сверкающего клинка. – Прошу тебя, отпусти меня!

Рука Сигмона замерла. Упокоить упыря – дело благое. Раньше он так и поступил бы – полгода назад, когда только пустился в путь, исполненный злобы на весь мир. Но теперь... Он не испытывал ненависти к ночному племени. Для него они были всего лишь еще одним народом, еще одной расой – вроде эльфов или гномов. В конце концов, его Арли тоже вампирша. Да, они убивают людей. Но не чаще, чем люди убивают друг друга. И он обещал отпустить этого юнца, если тот ответит на его вопросы. На его руках кровь горожан, но на руках самого Сигмона крови несравненно больше. К тому же два упыря уже упокоены. Кто он такой, чтобы судить этого молодого дурака? Он сам – чудовище с чешуйчатой шкурой, чьи лапы по локоть в крови.

– Ты уйдешь из города, – велел тан. – Прямо сейчас. И никогда сюда не вернешься. А если узнаешь, что сюда собирается кто-то из твоей родни, то скажешь ему, что он рискует встретить тут охотника на упырей.

– Да! – горячо согласился вампир, почуяв, что у него есть шанс унести ноги. – Уйду прямо сейчас! Даю слово чести!

Сигмон выпрямился и опустил руку с кинжалом.

– Убирайся, – бросил он.

Юнец вскочил на ноги и бросился бежать, даже не отряхнувшись и не оправив изодранный плащ.

Тан смотрел ему вслед. Если бы только упырь обернулся, чтобы улыбнуться или бросить насмешливый взгляд... У серебряного кинжала был плохой баланс – из-за массивной деревянной рукояти, что служила частью дубинки. Его трудно было метать. Но Сигмон к нему привык, и пару раз серебряная молния, что вылетала из его руки, обрывала жизнь слишком самонадеянного упыря.

Но юнец удирал во все лопатки, даже не пытаясь сохранить остатки достоинства. Он был слишком напуган и, похоже, не лгал.

Когда упырь растворился в темноте, Сигмон вернул кинжал в дубинку и та снова стала единым целым. Ташам. Не так уж далеко. Задание выполнено, он сдержал слово и освободил город от вампиров. Есть и два доказательства – вон, валяются в пыли. Пожалуй, городской глава останется доволен. Сигмон покачал головой – жаль, не успел спросить у юнца, откуда взялись эти двое и почему нынче Младшие так похожи на Старших. Ну и пес с ними. Показать графу – и в землю. Пусть даже не заплатит ничего, пусть. Но стоит ли возвращаться в Ташам? Мальчишка мог и соврать. Следы одинокого вампира вели сюда, в Вегат. Но тут... Похоже, он видел всех вампиров города мастеров. Нужно идти дальше. Или стоит немного задержаться?

Вдалеке, у перекрестка с одиноким масляным фонарем, появились две странные фигуры. Толстяк, подпоясанный громадным мечом и тощий проныра ростом с карлика. Сигмон вскинулся, готовясь к новой схватке, но тут же вздохнул. Стражники. Всего лишь люди. Он обернулся, бросил взгляд на двух упырей, что лежали в пыли, и пожал плечами. Потом. Все потом.

– Стража! – крикнул он, и фигуры под фонарем засуетились, словно застигнутые врасплох за чем-то неприличным. – Стража! Сюда! Я поймал упырей!

Стражники замерли. Пошептались немного. Потом толстяк толкнул низкорослого в плечо, и оба осторожно, маленькими шажками, стали приближаться к Сигмону.

* * *

Голую столешницу из тесаных досок украшал только бронзовый подсвечник с одинокой свечой. Ее света едва хватало, чтобы превратить темноту в легкие сумерки. Комната выглядела так же бедно, как и стол: дощатый пол с щелями, куда можно просунуть палец, стены, пустые и холодные, обшарпанный комод в заплетенном паутиной углу... Да и сам дом с соломенной крышей больше напоминал хижину.

Человек, сидевший за столом и смотревший на свечу, был похож на засохшую ветку дуба. Глубокие морщины, обветренная кожа, неряшливые, всклокоченные волосы. Камзол писца, с истертыми на локтях рукавами, измят и растрепан, словно в нем спали. Следы от чернил на бледных пальцах выглядят родимыми пятнами, навсегда облюбовавшими сухую морщинистую кожу. Взгляд – тусклый и отрешенный – устремлен на свечу. Ни звука, ни движения... Человек ждал.

Хлопнула входная дверь, но он даже не пошевелился. И только когда у стола появилась темная фигура, закутанная в разодранный плащ, человек поднял глаза.

– Ты обманул меня, Талатос, – прошипел молодой вампир. – Это не охотник!

Человек не отвел взгляда. Поджал губы и сухо бросил:

– Ты сказал ему то, что я велел?

Упырь снова зашипел и с яростью хлопнул ладонью по столу.

– Сказал! – бросил он. – Но я лишился двух братьев! Ты в этом виноват! И только ты!

– Он поверил? – невозмутимо спросил человек, не замечая ярости упыря.

– Откуда мне знать! Я едва ноги унес, он чуть не упокоил меня!

– Ты останешься в городе, пока он не уедет на юг, – спокойно сказал человек. – Возможно, ты еще понадобишься.

– Останусь? – удивился вампир. – Я тебе понадоблюсь? Да ты спятил, слизняк!

– Иначе я выдам твое убежище городскому главе. Помнишь? Мы об этом уже говорили.

– Не вздумай меня пугать, человек, – прошипел вампир. – Даже не мечтай меня испугать. Когда ты нашел меня в Вегате, тебя спасло только чудо. Мне было интересно поиграть в эти человеческие игры, но теперь все кончено. Узник Дарелена в городе. И он угрожал мне. Я уезжаю. Сейчас же.

– Ты уедешь только тогда, когда уедет он.

Упырь рассмеялся, запрокинув голову к низкому потолку. Человек не вздрогнул. Лишь в его пустых глазах отразился огонек свечи.

– Это было очень забавно, – сказал юнец. – Все складывалось так интересно... Шпион и охотник. Много еды, много развлечений... Но дело зашло слишком далеко. Я потерял обретенных братьев и провалил свое дело. Мой повелитель будет недоволен. Очень. Но тут у меня хотя бы есть оправдание – Узник Дарелена. А ты... – Вампир снова улыбнулся, наклонил голову, и длинные клыки тронули нижнюю губу. – А ты мое последнее развлечение.

Он бросился вперед, так и не надев личину упыря. Человек откинулся на стуле, уклонился от первой атаки, и в его руке блеснул серебряный кинжал. Он взмахнул рукой – быстро и умело.

Человек был опытным бойцом, прошедшим не одну сотню сражений и схваток один на один. Он мог бесшумно убить человека в большой комнате, полной людей, и удалиться незамеченным. Мог легко справиться с опытным фехтовальщиком, мог померяться силой с любым мастером клинка в Ривастане. Но ему еще никогда не приходилось сражаться с вампиром.

Серебряный клинок взмыл к потолку, кувыркнулся и упал в темный угол. Оторванная кисть осталась висеть на его рукояти, а пальцы, усеянные чернильными пятнами, так и не разжались.

Кровь брызгами легла на пустую столешницу, упырь довольно засмеялся и склонился над человеком, что распростерся на столе. Но тот так и не вскрикнул. Ни разу.

* * *

Даже стыллой весенней ночью в караулке было тепло и уютно. Обычно здесь сидели три стражника – денно и ночью несли дежурство при городской ратуше. Охраняли они городского главу, его советников, законников и прочую мелочь вроде писцов и счетоводов, что делали вид, будто управляют городом. Днем стражники иногда гоняли настойчивых просителей или обуянных гордыней посетителей, а ночью следили за тем, чтобы никто не пробрался в ратушу. Но сейчас в караулке никого не было – не считая самого тана.

Десятник и два стражника остались снаружи, в коридоре, и даже не пытались вернуться в свое законное обиталище. Еще бы – там, на полу, у самой лавки, лежали два упокоенных упыря. Такое соседство нельзя назвать желанным, особенно если на дворе ночь.

Тан плотнее закутался в теплый плащ и прикрыл глаза. Можно спокойно поспать до утра. Будить городского главу, пусть даже по такому важному поводу, никто не собирался. Конечно, весточку ему отправили – пусть порадует, едва открыв глаза. Но будить... себе дороже.

Соседство с упырями ничуть не беспокоило тана – они упокоены и уже не встанут. А мертвяков – любой расы – он не боялся. Сигмон только плотно прикрыл единственное окно тяжелыми ставнями, чтобы свет солнца не испепелил тела упырей. Они по-прежнему оставались в недоделанном облике и выглядели еще страшнее, чем раньше. Но это не пугало Сигмона, это его радовало: графу де Виллю будет на что посмотреть. У него не останется никаких сомнений – охотник сдержал слово.

Тело несчастного кузнеца отнесли к гробовщику – тому с утра тоже предстояло потрудиться. Тан очень жалел о том, что не успел спасти человека, но не винил себя в этой смерти. Вампиров оказалось слишком много. Сигмон просто не успел. При таком раскладе он ничем не мог помочь бедняге. Еще одна жертва – просто еще одна жизнь, – так думал тан. Года два назад он бы не смог уснуть, мучался бы всю ночь, пытаясь убедить себя в том, что это он во всем виноват. Но сейчас... В последнее время тан на многое смотрел иначе, чем раньше.

Закрывая глаза, Сигмон успел подумать, что денек будет не из легких, а потом сразу уснул.

Он оказался прав. Пробуждение нельзя было назвать приятным – в комнату вихрем ворвался десятник и ухватил его за плечо. Рука стражника осталась целой только потому, что Сигмон проснулся прежде, чем его коснулись, и успел понять, где он и что происходит.

Взъерошенный и полусонный, злой как голодная собака, он поднялся и поплелся за стражником в зал совета. Солнце поднималось над городом, но в ратуше было еще тихо и пустынно. Похоже, городской глава явился на свое место необычно рано.

Он принял охотника в том же зале, где они разговаривали в прошлый раз. Сам граф выглядел не лучше охотника – под глазами набухли мешки, заспанная физиономия в рубцах от

подушки, на подбородке щетина. Судя по всему, он получил весточку о поимке упырей, едва поднявшись с постели, и сразу отправился в ратушу.

На этот раз стол перед графом был пуст. Пухлые руки де Виля беспокойно мяли грязный платок, и тану стало ясно, что Рорнору не хватает стаканчика хорошего вина.

– Что, – сказал он, увидев тана, – дело выгорело?

– Так точно, ваша светлость, – отозвался Сигмон. – Два упыря упокоены и ждут своей участи в караулке.

– Даже так? – удивился граф. – Двое? А больше никто не пострадал?

– Кузнец, – неохотно признался Сигмон. – Я не успел выдрать его из лап упырей.

– А он где?

– Стражники отнесли его к гробовщику. Решили пока не отдавать семье – до вашего распоряжения, ваша светлость.

– Разумно, – Рорнор кивнул и расправил плечи. – Ну что ж, взглянем на твою добычу, охотник! Эй, стража! Несите сюда эту падаль!

– Нет! – вскинулся тан, и десятник замер в дверях, с тревогой глянув на графа.

– Это еще почему? – осведомился тот.

– Здесь слишком светло, – пояснил Сигмон. – От солнца упыри превратятся в прах. Если вы хотите взглянуть на них, ваша светлость, то лучше вам самому пройти в караулку.

Сигмон знал, что Младшим не страшен свет – они были почти людьми и не боялись солнца. Но после ночного сражения тан уже не был уверен в том, что это Младшие. Если бы это было так, они не встали бы после его ударов. Но они встали, их раны затянулись, а кости срослись – как у Старших. Тан не знал, что и думать, а потому решил не рисковать. Если трупы исчезнут, перед городским главой не оправдаешься. Еще решит, что его водят за нос, да бросит наглеца охотника в темницу. А еще раз подтвердить свое прозвище Сигмон не собирался.

Граф помрачнел, недовольно нахмурился, но потом тяжело поднялся из-за стола. Его чуть повело в сторону, и тан понял, что де Виль отлично провел вечер. Неудивительно, что его не осмелились потревожить среди ночи, пусть даже ради хорошей новости.

Граф неторопливо прошествовал мимо Сигмона и остановился в дверях.

– Побудь тут, – велел он и вышел.

Стражник остался в зале, мрачно поглядывая на тана. Тот спокойно стоял на месте, сложив руки на груди. Рорнор, похоже, не доверял ему. Пусть сам убедится, что упыри – не выдумка.

Граф вернулся быстро. Даже слишком быстро. Трясаясь как студень, он ввалился в зал, прижимая скомканный платок к побелевшим губам. Чуть ли не бегом вернулся в кресло и с облегчением откинулся на мягкую спинку.

– Какая гадость, – буркнул он, утирая губы. – Нечисть поганая.

Он спрятал платок и глубоко вздохнул, пытаясь прийти в себя. На губах Сигмона против его воли появилась усмешка. Городской глава, похоже, оказался не так крепок, как про него рассказывали в тавернах.

– Ладно, – решительно сказал Рорнор, откладывая платок. – Теперь-то уж все кончено?

– Прошу прощения, ваша светлость?

– Это все упыри? Больше никого не осталось?

Сигмон прикрыл глаза, вспоминая темную фигуру, что растворилась в ночи. Юнец. Но он поклялся словом чести, что никогда не вернется.

– Я избавил ваш город от упырей, – сказал тан. – Я сдержал свое слово.

Городской глава немедленно надулся, словно Сигмон его в чем-то упрекнул.

– Речь шла об одном вампире, – буркнул он. – Больше десятки не дам.

– Мы сошлись на восьми, – напомнил тан, догадавшись, что именно так расстроило графа. – Значит, шестнадцать.

– Десять, – отрезал Рорнор. – И то придется вынуть из своего кармана.

– Ладно, – согласился тан, внезапно почувствовав, что ему совершенно не хочется торговаться и дразнить графа.

От такой торговли стало мерзко на душе, и Сигмону захотелось быстрее покончить с этим разговором. Конечно, лишние деньги не помешали бы, но и десятка – неплохо. Сейчас он уже думал только о Ташаме. Нужно вернуться. Вот только проверить еще один городок севернее города мастеров – и в Ташам. Только не сразу. Нельзя нести туда сломя голову, так можно спугнуть удачу. Нет, лучше сделать вид, что он не поверил юнцу. Глупая примета, но отгоняет дурной глаз. Она столько раз выручала Сигмона, что он уже и со счета сбился.

Глухо звякнув, на стол лег мешочек с деньгами.

– Забирай, – велел граф. – Здесь ровно десять.

Отложил заранее, понял тан. Значит, получив весточку о двух упокоенных упырях, Рорнор сразу решил, сколько он за них заплатит. И торговаться на этот раз граф не собирался.

Тан сгреб со стола мешочек и сунул в карман.

– Можешь идти, – разрешил городской глава. – Эй, охотник, подожди! Ты надолго в городе?

– Нет, ваша светлость, – отозвался Сигмон. – Сегодня же уеду.

Граф провел пальцем по носу, – красному, распухшему, в синих прожилках, собрался что-то сказать, но вдруг приложил ладонь к виску и обмяк.

– Ладно, – простонал он и махнул рукой. – Ступай.

Сигмон коротко поклонился и вышел из зала, оттерев плечом в сторону десятника, все томившегося в дверях.

Ратуша потихоньку оживала. В коридорах появились писцы в долгополых кафтанах, заляпанных чернильными пятнами. Начинался обыкновенный городской день.

Спустившись по лестнице, тан вернулся в холл. У дверей караулки толпился целый отряд стражников – человек десять, не меньше. Они что-то вполголоса обсуждали, бросая косые взгляды на плотно прикрытую дверь. Сигмон пошел быстрее. Как бы не начали расспрашивать. Задерживаться в ратуше не хотелось.

Навстречу вывернулся молодой паренек, почти мальчишка, в распахнутом камзольчике. Он вихрем пронесся по залу и чуть не сшиб Сигмона с ног. Тот обернулся и, глядя вслед пареньку, что уже пересчитывал ступеньки лестницы тяжелыми сапогами, вздохнул. Гонец. Когда-то и он так бегал. В точно таких же сапогах.

Сигмон отвернулся и зашагал к выходу, твердо решив не отвечать на вопросы стражников, если прицепятся с разговорами. Ему надо вернуться в таверну, расплатиться за номер и забрать коня. Ворон. Часть его прежней жизни, единственный друг, что остался у него. Нотхейм хорошо обращался с жеребцом и ничуть не удивился, когда однажды утром тан вернулся в замок барона и забрал коня. Это случилось полгода назад, посреди зимы. С тех пор, как тан в последний раз видел жеребца, прошло больше года, но Ворон сразу его узнал и ласково ткнулся мордой в плечо. Казалось, он только и ждет, чтобы снова отправиться в дальний путь со старым хозяином. И его ожидания оправдались.

– Охотник! – ревом разнеслось по ратуше. – Вер-р-рнуть!

Тан вздрогнул. Крик настиг его в дверях, когда он собирался шагнуть в лучи весеннего солнца.

Стражники, застигнутые врасплох криком городского главы, пялились на него во все глаза. Еще миг, и они очнутая, подступят толпой, хватая за руки...

Хорошо бы сбежать прямо сейчас, с тоскою подумал Сигмон. Если он останется, то застрянет в городе надолго. Граф будет придумывать для него все новые и новые поручения, пока охотник не взбунтуется. А его ждет Ташам. Его ждет Арли.

Сигмон прикрыл глаза и напомнил себе, что дал слово. Сжав кулаки, он развернулся и решительным шагом направился к лестнице. Ладно. Еще раз. Только один единственный раз.

Стражники расступились перед ним, пропуская охотника в холл. Тан подумал, что должен вернуться в зал и узнать, что там стряслось, в этом проклятом городке, но этого не понадобилось. Граф сам выскочил ему навстречу – сбежал по лестнице, раскрасневшийся, как помидор. Казалось, еще миг, и его хватит удар.

Потрясая бумажкой, зажатой в левой руке, он набросился на Сигмона, ухватил его за ворот и хорошенько встряхнул.

– Слово давал?! – проревел он. – Давал?

– Давал, – признал тан. – Что случилось, ваша светлость?

– Упырь! – прорычал городской глава. – Еще один! Жертву нашли только что, это мой лучший писарь!

– Упыри не ходят по утрам, – напомнил Сигмон, не желая взваливать на себя еще и расследование убийства.

– Это случилось на рассвете, – ответил граф. – Когда ты уже дрых в караулке!

Сигмон сжал зубы, сдерживая рычание. Юнец. Он поклялся, что уберется из города, но не обещал, что больше не будет убивать. Маленькая мразь! Тан почувствовал, как к горлу подступает комок. Надо было его успокоить. Всего один удар кинжалом, и человек остался бы жив, а город стал свободен от упырей. Уже двое. Нынче он стал причиной смерти двоих людей. И ведь тан должен был знать, что вампиров нельзя жалеть. Удар клинком – вот и все, что они заслуживают. Но Арли...

– Иди, – велел граф, – и не возвращайся без упыря!

Тяжело засопев, он выхватил из руки тана мешочек с деньгами и отпустил ворот его куртки.

– Это останется у меня, – сказал городской глава. – Получишь, только когда все вампиры будут уничтожены.

Сигмон медленно наклонил голову, соглашаясь с графом.

– Я его поймаю, – сказал он глухо. – И упокою. Даю слово.

Он резко развернулся и пошел к выходу, не желая больше разговаривать с Рорнором.

– Эй, – крикнул граф, – стража! Проводите его к дому Талатоса. И проследите, чтобы не сбежал.

В спину тяжело задыхались стражники. Сигмон поморщился, сжал кулаки и вышел на свет приветливого весеннего солнышка.

* * *

Как тан и предполагал, денек выдался не из легких. Тяжелый, честно говоря, день. Намного хуже, чем мог предположить Сигмон.

Упырь не сразу ушел из Вегата. В этом тан убедился, едва вошел в скромный домик писца, больше напоминавший хижину. Стражники, что увязались за ним, разом рванули на улицу, а сам Сигмон склонился над истерзанным телом.

Упырь не собирался утолять голод. Нет. Он выместил на человеке всю свою ярость и злость, растерзал писца в клочья, и, судя по всему, долго не давал жертве умереть. Упырь забавлялся. В то самое время, когда тан мирно спал, уверенный в том, что исполнил свой долг, чудовище из ночных кошмаров терзало беззащитного человека.

Руки Сигмона сжались в кулаки. Вот это действительно его вина. Он должен был догадаться, что после унижения вампир не уйдет просто так. Проклятое племя. Почему при слове «вампир» он все время думает об Арли, а не об этих чудовищах? Большинству из них мало

забрать жизнь человека. Нет, им нужны боль и страх, страдания, они смакуют их как хорошо выдержанное вино... Упыри. Тан поднялся на ноги, отряхнул колени и вышел из дома.

Найти следы ночного гостя оказалось легко. После убийства, ничуть не таясь, он вернулся на крошечный постоялый двор, где остались его вещи, сполна расплатился, купил коня и был таков. Стражники помогли тану – просто из шкуры лезли, чтобы доказать, что они не трусили, не сдали и хоть сейчас готовы в бой с нечистью. Они прочесали округу мелким гребнем. Нашли следы кровососа и свидетелей. Все люди говорили одно – загадочный постоялец уехал из города перед рассветом. И гнал коня так, словно за ним гнались все демоны нижнего мира.

Сигмон не сомневался: упырь стремился как можно дальше отъехать от города и переждать день в чаще леса. Наверняка, он не раз так поступал, раз целым и невредимым добрался до города. И сейчас он пустился в обратный путь.

Самым трудным было отделаться от графа. Он не хотел верить, что упырь ушел из Вегата. И не хотел отпускать охотника в погоню. Его смогли убедить лишь стражники – в дело вмешался даже сотник, что не поленился лично допросить свидетелей. Только после беседы с ним Рорнор неохотно поверил в то, что упырь ушел, и с превеликим трудом Сигмону удалось убедить его в том, что кровосос не вернется в город, пересидев день в лесу. Тут его ждал разозленный до белого каления охотник на вампиров. Сам Сигмон был уверен – юнец не вернется. Он слишком боится Узника Дарелена. Напакостить напоследок – это вполне в его духе. Но вернуться и снова сойтись лицом к лицу – нет.

И все-таки Рорнор отпустил его. Денег, конечно, никаких не дал, обещал, что расплатится, когда охотник принесет ему голову последнего упыря, но всем было ясно, что это пустые слова. Обозленный ходом дел, граф не собирался платить охотнику, но Сигмону было на это наплевать. Его сейчас волновала только дорога, уходящая на юг – к Ташаму. Он даже не стал тратить время на извинения, уверения и прощания. Просто повернулся и припустил бегом к таверне, не желая терять ни минуты драгоценного времени.

Только когда сторожевая башня на краю Вегата скрылась в темноте, Сигмон смог вздохнуть с облегчением. Ворон шел легкой рысью, и тан привычно покачивался в седле, подбадривая жеребца каблуками сапог. Вот и еще один город остался за спиной. Он снова в пути, снова ищет то, что потерял прошлой зимой и никак не может найти. Все так же, как всегда. Но и чуть по иному. К глухой тоске, что холодным комом залегла под сердцем, добавился гнев – затаившийся до поры до времени. Именно он и звал Сигмона в путь, заставлял подгонять Ворона и крепче сжимать поводья. Тан должен настигнуть вампира, что посмеялся над ним, а потом упокоить его.

Сигмон мчался по лесному тракту, все крепче сжимая поводья. Знал, что догонит упыря – тому просто некуда деться, ведь на юг ведет единственная дорога. И тогда он сдержит свое слово. Если юнец собрался вернуться в Дарелен, то он никуда не свернет – до самого Ташама. Конечно, кровосос мог податься в леса, пойти напрямик, голодая и таясь, как дикий зверь, но Сигмон был уверен: юнец так не поступит. Нет, он со всех ног кинется напрямиком в Дарелен, в родное гнездо, под защиту Старших. Будет мчаться по дороге, останавливаясь днем, только когда у него не будет другого выхода, потому что знает – за ним летит разъяренный Узник Дарелена, принявший облик охотника на вампиров. Нет, юнец не свернет с пути и не задержится – ни на миг. Потому что знает, что произойдет, когда охотник догонит его.

Сигмон тоже это знал. И поэтому страстно желал этой встречи. Он дал слово. И сдержит его.

* * *

Гробовщик Мерг вернулся в контору только к вечеру, когда солнце утонуло в густых вершинах западного леса. Настроение у него было отвратительным – день выдался весьма беспо-

койным. Не задался с самого утра. Сначала его разбудили стражники и заставили по кускам собирать несчастного писца из ратуши. То еще развлечение, честно говоря. Такого безобразия он еще не видел, хотя и занимался покойниками без малого полвека. От несчастного почти ничего не осталось и Мергу пришлось разложить его останки по кадушкам со льдом. Кадушек потребовалось штук десять. Едва он управился с этой работенкой, как пришлось возвращаться в ратушу и докладывать о работе самому графу де Вилю. Запыхавшийся Мерг, едва переставлявший ноги от усталости, описал все в красках, с мельчайшими подробностями. И получил немалое удовольствие, наблюдая за тем, как медленно зеленеет лицо графа.

После этого Мерг побрел домой, надеясь хоть немного отдохнуть. Но там его ждала новая напасть – родственники кузнеца, что желали забрать тело. Кузнеца стражники принесли прошлой ночью, велели никому не отдавать, и Мерг положил его в ледник – глубокий холодный подвал, где он обычно держал мертвяков, готовых к погребению. Новых распоряжений от стражи не поступало, и потому Мерг отправил родственников к сотнику. С большой руганью, конечно. Но больно уж не хотелось ему оказаться крайним в этой истории, если вдруг выяснится, что граф не отменил своего распоряжения. Родственники кузнеца ушли, но вскоре вернулись. Без разрешения. Снова поругались с Мергом, оторвав его от скромного обеда. Тот, обозлившись, погнал их прочь. В конце концов они убрались, грозя дойти до самого графа Рорнора. И ведь дошли.

Ближе к вечеру прибыл гонец – Мерга снова вызывали в ратушу. Гробовщик проклял все на свете и потащился на вызов, нарочно не торопясь, отдыхая на каждом шагу. Шестой десяток – не шутка. Он уже не мальчик, чтобы бегать туда-сюда.

Пока дошел, пока граф разобрался, в чем дело – стало темнеть. С родичами кузнеца договорились, что тело вернут утром – уже набальзамированное и готовое к погребению. Граф неожиданно расщедрился и даже оплатил похороны – из маленького кожаного мешочка. При этом он злорадно улыбался.

Вернулся Мерг домой уже в сумерках. Все тело болело, словно гробовщика колотили дубинками, голова кружилась, в желудке бурчало от голода, а в подвале его ждала работа. Нужно разобраться с телом кузнеца, и управиться с этим необходимо до утра. Конечно, возиться с ним жуть как не хотелось, но ведь он обещал его родным, что все устроит. А пара золотых, полученных от графа, звякали в кармашке, напоминая, что срочная работа очень хорошо оплачивается.

Переведя дух, Мерг запалил фонарь, со стоном поднялся и отправился в подвал, чтобы оценить предстоящую работу. Насколько он помнил, ее не должно быть много. Кузнец не слишком пострадал от лап упырей, в отличие от писца. Пара укусов и только. Может, удастся справиться с этой работой до полуночи.

Крышка подвала легко откинулась, и Мерг стал спускаться по деревянным ступеням. Подъемник для тел – деревянная доска на веревках – был опущен. Его соорудил еще дед Мерга – чтобы не утомляться, таская покойников наверх. Как-никак семейное дело требовало вложений капитала. Вот, на старости лет пригодилось.

Нащупав ногою пол, гробовщик поднял фонарь повыше и по-старчески прищурился. Он никак не мог рассмотреть тело. Вроде оно должно лежать тут, с краю. Неужто свалилось с подъемника?

Когда навстречу ему из темноты потянулись костлявые руки, Мерг икнул и закрыл глаза. Почувствовав ледяное касание, он успел только подумать: ну вот и все, слава небесам. Отмучился.

Город спал, убаюканный добрыми вестями о поимке упырей. Крик старого гробовщика никто не услышал.

Глава 2. УЧАСТЬ САГЕМА

Граф де Грилл оглянулся. Темный коридор на последнем этаже южного крыла замка, что связывает Башню Мечей с Золотой Башней – место не слишком людное. Тут холодно и сыро, нет жилых покоев, сквозь узкие бойницы виден только двор замка. Сюда редко кто заглядывает, и все же осторожность – превыше всего. Можно встретить и ловеласа, что пробирается к возлюбленной окольными путями, и пажа, что спешит с поручением госпожи, и стражника, сосланного начальством на патрулирование мрачного коридора за мелкую провинность. Но и только. Комнаты есть, но в них никто не живет – слишком долго спускаться в обеденную залу, где собирается двор.

Опасения тайного советника оказались напрасными. Обитатели замка сладко спали в постелях – кто в одиночестве, кто парами, а кто... Эрмин улыбнулся – чего только не увидишь, блуждая ночами по тайным коридорам.

Но есть в замке и те, кто по ночам работает. К примеру, его величество Геордор Третий. Мало кто знает, что большинство ночей монарх проводит не в уютной кровати, а в тайной комнате на вершине Королевской Башни, пытаясь спасти королевство от войны. И еще меньше людей знают об этой тайной комнате. Впрочем, у всех в этом замке есть тайны. И у Эрмина, советника монарха, их немало. Но, в отличие от королевских секретов, о его тайнах не знал никто, кроме него самого.

Граф снова оглянулся. Никого. Ни пажей, ни стражников, ни вечных полуночников – влюбленных. Эрмин повернулся к неприметной двери из старых полусгнивших досок, что вела в Башню Мечей, и тихонько толкнул ее. Дверь распахнулась, открыв пыльный и темный чулан. Это вершина башни, что стала арсеналом замка, но здесь, так высоко, оружие не хранили – слишком долго до него добираться. Чулан давно заброшен, и вся его ценность только в лестнице, что ведет на чердак. От нее остались только гнилые обломки, напоминающие большие зубы сладкоежки – чердаком башни давно никто не интересовался. Никто, кроме Эрмина де Грилла.

Советник неслышно скользнул к остаткам лестницы, взялся рукой за склизкое дерево, поставил ногу на неприметный гвоздь и легко поднялся к темному проему люка.

Два десятка лет он проделывал этот трюк, и никто в замке не мог его повторить. Под любым человеком старше десяти лет доска непременно сломалась бы. Эрмин знал об этом давно, с тех пор, когда ребенком удирал сюда от назойливых чад знати, гонявших сироту по замку. Это была его тайна, его тайная комната, куда мог попасть только он, потому что весил не больше ребенка. Хотя он был таким не всегда. И это тоже было его тайной, о которой, увы, знали слишком многие.

Они хотели сделать из него птицу. Десяток седобородых королевских магов пытались изменить его и еще троих ребят попавших в магические застенки. Они все были – никто. Бродяга, воришка, безымянный сирота и он – последний отпрыск обедневшего рода. Его мать умерла рано, а отец связался с заговорщиками, пытаясь хотя бы так получить деньги на воспитание сына. Заговор раскрыли. Король Тисадор, отец принца Геордора, никогда не отличался добротой и терпением. Всех участников заговора казнили. Десятилетний Эрмин, сын изменника, попал в сырые застенки, которые, по чести говоря, немногим отличались от стен его старого дома. А потом король отдал его магам. А они попытались сделать из него птицу.

Казалось, что в этом не было никакого смысла – люди не могут летать. Маги действовали наугад, по старым записям, оставшимся от великих колдунов древности. Сами не зная толком, ни что они делают, ни как это нужно делать, ни что у них из этого получится.

Первым умер бродяжка. Голодавший с рождения, он оказался слишком слаб и не вынес действия магических эликсиров: однажды утром не проснулся, и все. Потом ему завидовали,

особенно воришка. Тот умер на железном столе, когда маги кромсали его тело ножами, пытались справиться с наростами на спине. Они должны были превратиться в крылья, но однажды вспухли огромными кровавыми буграми, похожими на тыквы. Воришка страшно кричал, проклиная магов, а те пытались спасти то, что осталось от маленького юркого мальчишки. Он умер на столе, с проклятием на устах, так и не увидев напоследок дневного света.

Сирота и Эрмин решили бежать. Уже несколько месяцев их поили эликсирами, и ребята чувствовали, как меняются их тела. Это было больно – очень больно. Тело изменялось день и ночь, в глазах стояла кровавая пелена, и для маленького Эрмина грань между светом и темнотой стерлась. Осталась только боль. В спине, в руках, в ногах – везде. Он ничего не ел, слабел с каждым днем, а глаза болели так, словно в них заложили угли. Сироте было не лучше.

Обоих не раз укладывали на железный стол в башне Магов и шептали над их телами заклинания, пока мальчишки не теряли сознания от боли. Но самое страшное было впереди – до полного изменения еще далеко, но маги собирались пойти до конца. Ребята знали: им все равно не выжить. И однажды ночью они попытались бежать.

Путь к свободе был только один – вниз головой с высокой Башни Магов, на вершине которой находилась их темница. Но оставалась крохотная надежда, что им удастся упасть в крону деревьев королевского парка, а не шлепнуться на камни площади. Оба знали, что, скорее всего, они разобьются насмерть, но умирать на столе, под ножами магов... Лучше – вниз головой на камни.

Эрмину повезло. Он изменился больше, чем сирота, и потому весил не больше заплечной котомки – его хрупкие полые кости и отчаянная худоба сделали свое дело. Порывом ветра его снесло в сторону королевского парка, за ограду, на огромный вяз, росший с незапамятных времен у стены. Проломившись сквозь ветви, он скатился вниз, на траву, к ногам онемевшего от испуга паренка в расшитом золотом платье.

Беглец слышал, как за стеной успел вскрикнуть сирота, прежде чем его тело с мокрым шлепком расплющилось о камни мостовой. И слышал, как подняли тревогу маги. Как запели трубы, забряцала оружием стража... И когда паренек, разодетый в золото и шелка, склонился над ним, Эрмин заплакал. Сквозь слезы он просил помощи, рассказывал, что делают с ним маги, умолял спрятать его. Или хотя бы отпустить. Паренек, что был старше Эрмина, сидел рядом и держал его за руку, пока не пришли стражники.

На этот раз его бросили в каменный мешок, где не было ни одного окна. Он провел без еды трое суток – ему давали только воду. Потом за ним пришел старший королевский маг и отвел его в лабораторию, где на широком железном столе были разложены сверкающие инструменты. Эрмин не сопротивлялся. Он настолько ослаб, что даже не мог умолять о пощаде.

Когда его привязали к столу и положили на грудь магический кристалл, от которого исходило жгучее тепло, Эрмин понял, что может попрощаться с жизнью. Он надеялся, что ему хватит сил, чтобы проклясть мучителей, как это сделал воришка, и набрал полную грудь воздуха. Но не успел ничего сказать.

Дверь в лабораторию распахнулась, и в комнату ворвались стражники. Маги пытались сопротивляться, но солдаты – отчаянно смелые или вовсе безумные – быстро скрутили их, как простых воров из городского притона. Командовал ими тот самый паренек из сада, Эрмин сразу его узнал.

Действовал он так быстро и решительно, что ни один маг не успел опомниться и произнести заклинание. И он сам отвязал Эрмина от железного стола, распоров широкие ремни кинжалом с гербом Сеговаров на рукояти. Ослабевший Эрмин плохо соображал, и только когда к паренку обратился один из стражников, он понял, кто перед ним. Так он познакомился с Геордом Третьим, будущим монархом Ривастана, которого тогда звали просто Георг.

Граф де Грилл больно ударился макушкой о край люка и выругался. Он помотал головой, отгоняя непрощенные воспоминания, подтянулся на руках и быстро забрался на чердак.

Темный, весь в паучье пряже, с сугробами пыли, он больше напоминал склеп. Но как раз это граф и ценил: сюда никто не сунется по собственной воле. Здесь он часто прятался – уже после того, как принц освободил его из темницы магов. Здесь он жил и работал, когда Геордор вззошел на престол. Этот пыльный и заброшенный чердак стал его тайной комнатой, хотя ей и было далеко до королевской.

Сейчас оставалось найти слуховое окошко с зачерненными стеклами, что ведет на крышу. Конечно, он его нашел, он сделал бы это с закрытыми глазами – настолько хорошо знал этот пыльный склеп.

Выбравшись на черепицу, Эрмин поднялся на ноги. Встал, распрямился во весь рост и без страха глянул вниз – на королевский замок, на парк перед ним, на площадь – на все это великолепие, что он видел сквозь темноту. Он не боялся высоты. Ведь он почти умел летать... Почти.

Раскинув руки в стороны, Эрмин крепко зажмурился и тихо зашептал ласковые слова. Привычные, давно вызубренные слова – не волшебные, не тайные, просто ласковые слова, что любит всякая живая тварь.

Рядом зашумели крылья, но граф не открыл глаз. И не открыл их тогда, когда в руку вцепились маленькие коготки. И вторые. И третьи.

Он стоял с закрытыми глазами и теперь тихо шептал то, о чем думал:

– Где ты? Где?

Они летели на его зов. И сизокрылые красавцы из королевской голубятни, и городские вороны, и маленькие лесные пичуги, невесть как попавшие в город. Даже два маленьких сыча выбрались из глухих чердачных убежищ и возмущенно заухали на пеструю стаю.

Птицы облепили советника живым шевелящимся ковром. Молча и деловито они присаживались на Эрмина, так что не осталось свободных мест. А потом те, кто не успел к живому насесту, закружились над его головой облаком, незаметным в темноте для простых людей.

– Я тебя найду, – шепнул граф одними губами и открыл глаза.

Желтые птичьи глаза с черным росчерком зрачков.

* * *

Утренние лучи весеннего солнца коснулись лица Сигмона, и он недовольно прищурил покрасневшие глаза. Всю ночь Ворон мчался по лесной дороге, пытаясь настигнуть убегающего вампира. Тан чуял: упырь недалеко. Они почти нагнали его, потому что не останавливались передохнуть уже целые сутки. Вампиру приходилось трудно – хоть он и выехал раньше, но днем ему нужно было прятаться от солнца. Сигмон рассчитывал вскоре его нагнать. Что он и сделал. Почти.

К утру даже неумолимый Ворон устал, да и сам тан едва держался в седле. Мерное покачивание усыпляло, и Сигмон знал, что ему нужно отдохнуть: – сейчас, если он и нагонит юнца, то будет не в лучшей форме для драки. Но у него есть фора – целый день. Кровососу придется спрятаться от солнца, и тан надеялся отоспаться и дать отдохнуть коню, чтобы вечером снова броситься в погоню и наконец догнать наглого кровососа.

Сигмон чуял его след: ощущал его всей кожей, как легкое покалывание, чувствовал едва ощутимый привкус падали во рту. Вампир близко, в этом нет сомнений – след так силен, что кажется, вот он, рядом, только руку протяни. Но где спрятался? Не на обочине же?

Тракт, уходящий на юг, раздвоился. В сторону уходила большая лесная просека с накатанной тележной колеей. Сигмон тронул поводья и Ворон остановился на развилке. Втянув носом свежий утренний воздух, тан почувствовал знакомые запахи: дым, животные, нагретый весенним солнцем металл. Сколько раз он стоял вот так, на распутье, и решал, что ему делать?

Уже и со счета сбился... Вся жизнь – дороги и маята, где одна тропа похожа на другую как две капли воды. Но в этих местах он бывал, это точно. И тут Сигмон вспомнил...

Это поворот на Сагем – маленький приграничный городишко, где так давно, кажется, в прошлой жизни, он повстречал Ронэлорэна. Тогда обозленные горожане собирались вздернуть полуэльфа за грехи самого тана, но Сигмон вытащил его из петли. И не раз о том жалел: Рон оказался замечательным товарищем, вот только болтливым, как десяток городских кумушек. И все же Сигмону он нравился. Алхимик обладал удивительным даром – стоило ему бросить пару глупых и смешных слов, как любая беда становилась не такой уж страшной. В любой безнадежной ситуации он находил светлые стороны, а его картинные стенания заставляли Сигмона по иному взглянуть на свои собственные. И еще Рон всегда был готов прикрыть его спину. В то время как все считали Сигмона чудовищем, даже он сам, именно алхимик попытался убедить его в том, что тан все еще человек. И потому Сигмону становилось не по себе, когда он вспоминал, как они расстались. Вышло нехорошо, – Сигмон просто бросил его и умчался в одиночестве на юг, чтобы скрыться от людей, уйти прочь от этого мира. А Рон остался один, у стореvшего имения ла Тойя – без коня, денег и спутника.

Тан нахмурился. Неприятное воспоминание. Он знал, что Рон обиделся на него, и было за что. Надо было хотя бы попроситься с полуэльфом, а потом отправить ему весточку. Но он так и не сделал этого. О том, что Рон все-таки заходил к барону Нотхейму, как раз тогда, когда Сигмон прятался на горе и планировал свою фальшивую смерть, тан узнал слишком поздно. А потом уже и не знал, где искать Ронэлорэна. Арли говорила, что алхимик пришел в Дарелен, а потом двинулся дальше на восток. Где его нынче носит? Может, опять хрипит в петле где-нибудь на границах Ривастана, а вокруг ревет алчущая крови толпа?

Сигмон покачал головой. Нет. Прочь воспоминания. Это прошлое, и его не изменить. Нужно думать о будущем, о том, что впереди. О том, что еще зависит от тебя, о том, что ты в силах сделать.

Ворон возмущенно фыркнул, отзываясь на тычок каблуками, и свернул на просеку – к Сагему.

Желание хорошенько вымыться и отоспаться перевесило жажду мести. Сигмон решил остановиться в городе, несмотря на воспоминания о дурном приеме, оказанном ему в прошлый раз. К тому же запах упыря вел именно в этот городок. Пожалуй, лучшего убежища на день и придумать нельзя – забьется в темный уголок подвала или чердака и спокойно дождеться темноты. Тан подумал, что кровосос, возможно, решит поохотиться в Сагеме, и крепче сжал поводья. На этот раз он не должен опоздать. Он больше не допустит смертей.

Солнце неумолимо ползло вверх, припекая все сильнее. Когда впереди показались первые бревенчатые дома, утро уже грозило обернуться днем. Время брало свое – с каждым рассветом становилось все теплее, и весна, похоже, должна была выдаться на редкость теплой. Сигмон знал: для него она станет по-настоящему жаркой, и вовсе не по причине хорошей погоды. Он должен найти Арли. Обязательно. Сейчас или никогда. Потому что пройдет еще несколько месяцев, и станет слишком поздно для разговоров.

Проезжая между двумя домами, огороженными высокими деревянными заборами из гладко оструганных досок, Сигмон опасливо оглянулся. Нет, никто не показывал на него пальцем. Людей и вовсе не видно, хоть утро на исходе. Поправив верную дубинку, подвешенную к поясу на манер меча, тан подумал: узнают ли его в Сагеме? Нет, вряд ли. В прошлый раз он выглядел нищим оборванцем, явившимся в город среди ночи. Голодный и уставший, он немногим отличался от бродяг, что странствуют по дорогам королевства, питаются подаяниями сердобольных граждан. Он был беглецом, едва ускользнувшим из темницы, боялся каждого шороха, шарахался от любого подозрительного куста и старался не попадаться на глаза стражникам. Теперь же... Теперь все по-другому. Он – уверенный в себе охотник на вампиров, прошедший огонь и воду, у него есть верный конь, а в кошельке звенят деньги. Пусть их немного,

но они заработаны честным трудом. В нем не осталось ничего от того затравленного паренька с чужой кожей, который полтора года назад тайком пробрался в Сагем. Теперь он настоящее чудовище, а его руки по локоть в крови. И тот, кто встречал его взгляд, догадывался об этом. Сразу. И первым отводил глаза.

Добравшись до первого перекрестка, Сигмон остановил Ворона, пытаясь припомнить, где в городе ближайшая таверна или постоялый двор. В прошлый раз он не заходил в центр Сагема – таился на окраинах. А теперь и не вспомнить, что у них где. А хотелось бы. Желудок настойчиво бормотал о том, что пора бы отведать что-нибудь посущественней запахов весеннего утра. Сигмон привычно втянул носом запахи города. И замер. Приподнялся на стременах и снова принялся.

В городе не пахло едой. Ни свежим хлебом, что по утрам готовят пекари и рачительные хозяйки, ни простецкими завтраками работяг, готовых отправиться на заработки. Не пахло и харчевней, что собирается заманить на обед побольше едоков. Ничем таким не пахло. Только прокисшим супом и мясной гнильцой.

Сигмон опустил в седло и положил руку на дубинку. Ворон, подчинясь каблукам хозяина, медленно двинулся по пустынной улице, лежавшей меж унылого строя бревенчатых домов. Тан посматривал по сторонам, пытаясь уловить хоть намек на городскую жизнь. Тщетно. Нигде не видно ни взрослых, ни ребятни. Нет и собак, и кошек, и даже вездесущих крыс.

Отчаянно прислушиваясь к своим ощущениям, Сигмон пытался уловить хоть малейшее биение жизни, но дух вампира забивал все. Он, несомненно, остановился в городе и прятался где-то неподалеку. Раньше Сигмон порадовался бы такому четкому следу, но сейчас было не до упыря. В городе творилось нечто странное, и меньше всего Сигмону хотелось впутаться в еще одну неприятность.

Ворон фыркнул и остановился. Дубинка сама прыгнула в руку Сигмона, но на этот раз оружие не понадобилось. Впереди, на повороте, лежала мертвая лошадь. Ран не было видно, похоже, она просто издохла, и все. Брюхо у нее разбухло, и, судя по всему, она лежала на дороге пару дней. Мертвая лошадь. Только и всего – на первый взгляд. Но тан и не подумал убрать дубинку. Он задумчиво тронул поводья, прикидывая, не развернуть ли Ворона и не отправиться ли обратно к тракту. В городе неладно, и если бы речь шла только о горячем обеде, он бы непременно развернулся и уехал прочь. Но вампир по-прежнему в городе, и совсем рядом – его присутствие нависло над таном душным облаком. Его нельзя оставлять здесь, среди людей. И все же...

Мертвые лошади обычно не валяются посреди дороги – в приличном городе, конечно. Если скотина пала, ее в любом случае отташат на шкуродерню или хотя бы на окраину, подальше от улиц. И если ее так и не убрали, значит, людям не до нее. Значит, у них есть другие заботы, более важные и срочные.

Все это нравилось тану все меньше и меньше. Мор? Лошадиный или человеческий? Нехорошо, ой как плохо. Сигмон сжал поводья, собираясь развернуть скакуна, и в этот момент его чуткое ухо уловило странный звук. Где-то впереди железо скребло о железо. Равномерно, настойчиво, как гномий механизм. Сигмон прислушался, пытаясь уловить оттенки звука, и вздохнул. Там, впереди, есть живая душа.

Конечно, это мог оказаться и ветер – подхватил кусок жести и скребет им о засов калитки, или, к примеру, скрипят несмазанные петли на распахнутой двери. Но тан знал, что это не ветер, не жесь и не петли.

Никто из них не умеет так отчаянно браниться.

* * *

На следующем перекрестке Сигмон нашел то, что искал: большой сарай, откуда и доносился странный звук. Спереди к сараю пристроили большой деревянный навес – крыша на столбах, и только. Под ним стояла небольшая наковальня, рядом поместился маленький кузнечный горн, стильный и заброшенный. На деревянных столбах развешены серпы, топоры, подковы и всякая мелочь, что копится на рабочем месте у любого мастера. Пожалуй, в Сагеме этот сарай считался кузницей, но Сигмон, только что вернувшийся из города мастеров, решил, что это скорее мастерская жестянщика. В другое время он проехал бы мимо, не доверив местному мастеру даже подковать коня, но сейчас его интересовало иное: звук, идущий из-за неплотно прикрытой двери.

Сигмон спешился, накинул поводья на подходящий штырь в столбе и вошел под навес. Осторожно ступая по утоптанной земле, стараясь не наткнуться на разбросанные кузнечные инструменты, он добрался до двери и заглянул в щель.

Первое, что бросилось в глаза – спина в грязной серой рубахе. Ткань в потеках пота, грязная, пыльная, над ней – нечесаная копна грязных волос, бывших когда-то светлыми. Широкие плечи ходят ходуном. Все просто: человек сидит на полу спиной к двери и что-то мастерит. Почему на полу? Судя по ругани, это не очень-то удобно.

Переждав очередной взрыв брани, Сигмон положил руку на дубинку и осторожно открыл дверь.

Сарай и вправду оказался велик. У дальней стены – разобранная повозка, по стенам развешаны инструменты, около входа примостился верстак. Больше ничего – кроме человека, сидящего на полу и отчаянно бранящего железо.

– Эй, – позвал тан. – Эй, ты!

Человек подпрыгнул на месте, словно его кольнули шилом. Он перевернулся, и Сигмон подумал: сейчас бросится. Но человек неловко завалился на бок, и тан тотчас понял почему: у бедняги оказались скованы руки и ноги. Широкие железные браслеты на руках прикованы к ножным кандалам, а цепи, что их соединяют, заперты на маленький замок гномьей работы. Сигмон прекрасно знал такие оковы. Узник напрасно пытался выбраться из них – он не мог дотянуться до замка, да и открыть его можно лишь специальным ключом. Тан видел их раньше – в них держали воров, что славились умением открывать замки. Обычным головорезам хватало и ножных кандалов. Но эти...

Несчастный помянул матушку Сигмона и тем отвлек его от разглядывания замка. Тан вспыхнул и собрался ответить, но лицо узника приковало его взгляд. Рассеченная скула, под разбитым носом засохла кровь, щеки и лоб вымазаны то ли грязью, то ли засохшей кровью. Досталось узнику крепко, но его зеленые глаза, напоминавшие цветом весенние листья тополя, восторженно сияли.

– Я знал! – восторженно выдохнул Рон. – Я знал, что так и будет, сукин ты сын!

Сигмон осторожно выдохнул, боясь спугнуть видение, опустил дубинку и прислонился к дверному проему.

– Тогда я думал, что мне конец, – продолжал полуэльф, сверкая зелеными глазами, – а потом появился ты и вытащил мою шею из петли. А сейчас я подумал – раз мне настает полный и окончательный конец, может, судьба снова повернется ко мне прелестным личиком и подарит еще один шанс?

– Ронэлорэн, – тихо сказал тан. – Это ты?

Алхимик одарил друга презрительным взглядом.

– Нет, – серьезно сказал он. – Это не я. Это конь его величества Геордора Третьего в парадной мантии рода Сеговаров.

Тан вошел в сарай, присел на корточки и коснулся пальцем грязного плеча алхимика.

– Очнись, Сигги, – мягко сказал Рон. – Это я, живой и во плоти.

– Как ты тут очутился? – спросил тан, опускаясь на колени.

– Как всегда, – беспечно отозвался полуэльф. – Случайно проходил мимо да попал в переплет.

– И что на этот раз? – осведомился Сигмон, ощупывая замок. – Опять делал предсказания?

Он ожидал в ответ очередную шутку – не слишком смешную, скорее глупую, и даже попытался угадать, что ответит Рон. Но тот не ответил. Сигмон поднял глаза. Улыбка сошла с губ алхимика, его лицо сделалось мрачным, а взор потух. Он смотрел на друга и молчал, и в его глазах плескалась боль.

– Нет, – тихо произнес он. – На этот раз все по-другому.

– Что случилось? – спросил тан. – Рон, что вообще происходит в городе?

– Потом, – сказал алхимик. – Я расскажу потом. А сейчас, пожалуйста, найди этот трахнутый ключ, потому что у меня уже спина затекла и я...

Сигмон взялся за цепи, резко дернул, и порванные звенья разлетелись по сараю. Целехонький замок упал к ногам полуэльфа. Тан взялся за ручные кандалы и разогнул их пальцами, словно они были сделаны из свинца. Потом разогнул железные обручи на ногах Рона.

Алхимик, не веря глазам, взялся за запястье, тронул натертую кожу и поднял взгляд на друга.

– А раньше ты так не мог, – сказал он. – Сигги, ты опять меняешься?

– Все меняются, – мягко ответил Сигмон, поднимаясь на ноги, – но не всегда в лучшую сторону.

– Ну, так и есть, – отозвался алхимик. – Раньше ты мне так не ответил бы.

Сигмон протянул ему руку, и Рон крепко ухватился за его ладонь. Тан рывком поставил алхимика на ноги, и тот сразу навалился на его плечо.

– Ноги, – простонал он. – Проклятье! Затекли...

Сигмон обнял друга за плечи и вывел его из сарая. Выбравшись из-под навеса, они подошли к Ворону, и тот фыркнул, беспокойно переступив с ноги на ногу.

– Ворон! – удивился Рон. – Ого. Ну, точно, все как в старые времена...

Сигмон пинком опрокинул невзрачный деревянный ящик и усадил на него алхимика. Тот со стоном вытянул ноги и прищурился на весеннее солнце.

– Скоро полдень, – сказал он. – Надо поторапливаться. А то не успеем выбраться из этого проклятого городка.

– Так, – сказал Сигмон. – Хватит. Можешь сказать толком, что тут творится?

– А как же радостные объятия? – обиделся алхимик. – Не виделись полтора года, а ты даже «здравствуй» не сказал!

Сигмон вздохнул. Снова рядом друг. Он так отвык от этого, что сейчас даже не мог поверить, что все происходит на самом деле. Быть может, он спит и видит сон – как тот, про Арли?

– Впрочем, – сказал алхимик, – когда мы виделись в последний раз, ты и попрощаться не удосужился. Ты дурно воспитан, Сигги. Я тебе говорил об этом?

– Говорил, – признался тан и со вздохом коснулся вспотевшего лба. – Прости, Рон. Прости. Я сейчас немного не в себе, не спал целые сутки и не поспеваю за твоей болтовней. Но я очень рад, что встретил тебя. Честное слово.

– Ты сам-то откуда тут взялся?

– Тоже проездом. Дорога из Вегата в Ташам долгая, и мне захотелось немного отдохнуть в приличной постели. Может быть, тут у меня есть и дела.

– Как? – удивился алхимик. – Ты оставил Арли в одиночестве на вершине горы?

Сигмон отвернулся и запустил пальцы в черную гриву вороного коня. Тот встревожено фыркнул и скосил на хозяина черный глаз.

– Нет, – глухо произнес тан. – Это она оставила меня. Ушла полгода назад, прямо посреди зимы. С тех пор я ее ищу.

Рон сдавленно кашлянул, и тан обернулся, стиснув зубы, готовясь выслушать очередную насмешку, на этот раз заслуженную.

Полуэльф растеряно смотрел на него, и на его лице не было и тени ухмылки.

– Прости, – сказал он. – Не знаю, что и сказать. Как-то это все неожиданно.

– Ладно, – тихо произнес Сигмон. – Потом. Я тебе все расскажу, только не сейчас. Хорошо?

– Конечно, – согласился Рон. – Я желаю допросить тебя с пристрастием, а сейчас у нас на это нет времени.

– Все настолько плохо? Это черный мор?

– Хуже, – отозвался алхимик и ткнул пальцем в сторону пыльной кучи посреди улицы.

Сигмон с удивлением обернулся. Если бы не указующий перст алхимика, он не обратил бы на эту грязь внимания. Чего только на дороге не валяется – вон, недавно дохлая лошадь попала. Но сейчас, всмотревшись, тан почувствовал, как к горлу подступил ком.

Это была вовсе не грязь. Посреди дороги лежала тонкая ночная рубашка, присыпанная сверху тонким слоем пепла. И даже не пепла – праха. Обычно это все, что остается после вампира, спаленного полуденным солнцем. Но кровосос днем, на улице, в ночной рубашке с кружевами?

Сигмон взглянул на алхимика. Тот провел рукой по лицу, размазывая грязь, взглянул на ладонь и тихо выругался.

– Что это? – спросил Сигмон. – Вампиры?

– Они пришли три дня назад, – отозвался Рон, и его губы предательски дрогнули. – А я – следом. В Сагеме мне нужно было кое-что забрать у одного контрабандиста. Обычное дельце, просто хотел заработать пару монет. Я шел на заработки, а попал в ночной кошмар.

– Сколько было упырей?

– Кажется, пятеро. Не больше. Первая ночь выдалась тревожной, но тогда они прятались, вершили свои злодеяния тайно, под покровом темноты. А на вторую ночь они вышли на улицы, и началась резня. Они строем прошли через город, кусая всех, кто попадался на пути. Гуляки, стражники, контрабандисты... Всех. А потом они пошли по домам. Женщины, дети...

Сигмон прикрыл глаза. Он мог себе это представить – упыри в облике идут по ночным улицам тихого городка. Глаза на серых лицах пылают багровым пламенем, длинные плащи развеваются за плечами демонскими крылами. Они быстры и жестоки. Врываются в толпу, кровь брызжет фонтанами из прокушенных шей, тела валятся на землю, в серую пыль...

– Но день стал страшнее ночи, – продолжал алхимик. – Те, кто уцелел, спрятались в домах, и даже когда взошло солнце, так и не вышли на улицы. Некоторые сбежали из города, те, кого здесь больше ничто не держало. Но таких оказалось мало. Пяток пришлых контрабандистов без семей – вот и все, кто смог уйти. А те, что не успели спрятаться ночью... Они пытались убить себя, не в силах смириться с новой жизнью, но у них ничего не получалось. Многие сошли с ума, вели себя как дикие животные: бросались друг на друга, ломали все, что подвернулось под руку, кусали тех, кто остался. Но рано или поздно они высовывались на улицу, и солнце сжигало их дотла. Некоторые выходили случайно, а другие, видя их гибель, выходили сами – прямо в пламя восхода.

– Подожди, – перебил его Сигмон. – Какая новая жизнь? Какие безумцы? Вампиры сошли с ума, все пятеро?

Рон глянул на него с жалостью, пожевал губами, словно пытаясь заставить себя сказать омерзительные слова.

– Сигмон, – наконец выдавил он. – Вампиры кусали всех, кого только могли. И те стали упырями. Все, понимаешь, Сигмон, все жители города. Потом, в последнюю ночь, они кусали друг друга, передавая эту заразу дальше. Тут больше нет людей, Сигги, это город нежити, город мертвых. Остался только я.

– Нет, – быстро сказал тан, чувствуя, как холодок змеей скользит меж лопаток. – Нет, этого не может быть. Послушай, Рон, это только сказки. Ты же знаешь, вампиры размножаются как обычные люди. Они не могут превратить человека в упыря, только убить. Я сам тебе это рассказывал, я знаю...

Алхимик покачал головой, и в этом кратком движении было столько уверенности, что тан умолк, чувствуя, как ледяная змейка в животе превращается в айсберг.

– Сигги, – тихо сказал Рон. – Я знаю, что ты видел. Помню, что ты рассказывал. Я поверил тебе. А теперь ты поверь мне: все не так. Они могут это делать, Сигги. Они это сделали. Пять кровососов пришли в город и заразили несколько человек. Потом все вместе они расправились с остальными. Они убили город, Сигмон. Целый город. Захватили его, обратили в упырское гнездо, и только небо знает, что они собираются делать дальше.

– Нет, – прошептал Сигмон, – такого просто не может быть. Она не могла мне лгать. Нет.

– Арли не лгала, – отозвался алхимик. – Раньше они такого не могли. В этом я уверен, я тоже кое-что знаю, Сигги. Но что-то изменилось. Что-то пошло не так, и к нам вернулись ночные кошмары наших предков. Сказки стали реальностью. Ты сам говорил – все меняются, и сейчас, похоже, настал черед кровососов. Мир свихнулся, любезный тан, и мы теперь в самом сердце этого безумия.

Сигмон не ответил. Он слышал слова Рона, но никак не мог их принять. Нет, они не могут так поступать. Ведь Арли не такая. Она не стала бы ему лгать. Но ведь он и не думал, что она способна бросить его, оставить одного и уйти. Быть может, она и... Тан не хотел в это верить. Хотелось думать, что просто один из кланов устроил в городе резню, что их, кровососов, было не меньше двух десятков, только и всего. Но память услужливо подсовывала воспоминания о ночной схватке с упырями Вегата. Их было трое – наглый юнец и два вампира-недоделка, пародия на Старших. Два пропавших мастера – их тела так и не нашли. Значит, вот кем они стали после смерти... В суматохе тану было не до поисков, и он подумал тогда, что юнец просто спрятал тела. Но теперь... Теперь все стало кристально ясно. Юнец пытался захватить Вегат так же, как его родичи захватили Сагем. Наглый и самоуверенный, он хотел повернуть дело в одиночку, без помощи остальных. И вряд ли с их ведома. Но встретил охотника на вампиров, потерпел поражение и сбежал обратно в Сагем, под крылышко старших братьев. В упырское гнездо. А добрый и глупый охотник отпустил кровососа, потому что Арли тоже...

– Надо было его прикончить, – с горечью бросил тан.

– Кого? – спросил Рон, вытирая лицо подолом рубахи.

– Вампира из Вегата. Я встретил его там пару дней назад. Он пытался устроить в городе мастеров то же, что в Сагеме. Я тогда ничего не понимал... Просто всыпал ему хорошенько и отпустил, велел возвращаться домой. А он обманул меня и убил еще одного человека. И сбежал. По его следам я и пришел в Сагем.

– Так, – сказал Рон, оглядываясь по сторонам. – Ладно. Знаешь, что? Надо бы нам поторопиться. Надо быстренько собрать вещи, а приятными воспоминаниями обменяемся, когда отведем подальше от города.

Сигмон кивнул и втянул носом воздух, принюхиваясь к мертвым запахам Сагема. Упыри. Множество упырей – и упокоенных, и живых. Он принимал это за след юнца, за свежий и ясный след, оставленный им накануне. Но теперь стало ясно, что этот город весь пропитан миазмами вампиров. Это их гнездо. Сколько их тут? Десятки, сотни... Он не справится за полдня. И за ночь. И вряд ли он вообще ее переживет.

– Рон, – позвал тан, – а как уцелел ты?

– Ты же знаешь, упыри не переносят эльфийскую кровь, – отозвался алхимик. – Недаром они так боятся серебра, в которое примешана кровь эльфов. Для кровососов это смертельный яд. Они просто скрутили меня и бросили в кузнице, пообещав вернуться следующей ночью, потому как у них и без меня было слишком много дел. Но они обещали вернуться – сегодня вечером. И так внушительно пообещали, что у меня до сих пор мороз по коже. Мне жуть как не хочется даже думать о том, что случилось бы сегодня с наступлением темноты.

Алхимик поднялся на ноги, нагнулся и растер руками колени. Со стоном распрямился, подпрыгнул и тут же схватился за поясницу.

– Терпимо, – объявил он. – Пошли.

– Куда? – удивился тан. – Хочешь найти коня?

– Нет, – серьезно отозвался алхимик. – У нас мало времени, а еще нужно забрать у вампиров мои вещи. Они слишком мне дороги, чтобы вот так запросто оставить их упырям.

Сигмон смерил друга взглядом, покачал головой.

– А ты ничуть не изменился, – сказал он. – Все так же охотишься за деньгами и по-прежнему готов рисковать жизнью ради мешка с барахлом.

– За деньгами я охочусь всегда, – отозвался Рон. – Потому что их у меня нет. Вот ты гоняешься за спокойной жизнью, а я смотрю, она обходит тебя стороной. То же и с моими деньгами. Вот дерьмо. Мы никогда не можем получить то, что нам нужно больше всего. Закон подлости.

– Может, попробовать наоборот? – буркнул тан. – Я попытаюсь разбогатеть, а ты попробуешь зажить спокойной жизнью?

– Хорошая идея, – откликнулся алхимик. – Знаешь, на самом деле я давно об этом мечтаю. Осеть бы в большом городе, открыть собственную лавку... Но для этого нужно сначала заработать денег, накопить, как говорят казначеи, стартовый капитал. Кстати говоря, у нас сейчас есть хороший шанс разбогатеть. Ведь мы должны забрать у них не только мои вещички, мы должны прихватить кое-что, принадлежащее кровососам. То, за что любой маг заплатит безумные деньги.

– И что же это? – холодно осведомился тан. – Коренной рабочий зуб графа Дарелена?

– Нет, просто их кровь. Кровь измененных вампиров, та самая жидкая водица, которая может рассказать мне, что с ними произошло и как с этим бороться.

– Благие небеса! – выдохнул тан. – Ты что, собираешься найти тех пятерых упырей и нацедить из них крови?

– Конечно, – сказал алхимик. – Верну свои препараты, возьму образец крови и тогда узнаю, как прекратить это безобразие. Думаю, все соседи графства Дарелен будут просто счастливы получить результаты моих изысканий. За скромную плату, конечно, которую назначу я.

– Где упыри? – коротко спросил тан. – Те, что пришли из Дарелена?

– В городской ратуше.

Сигмон поднял голову и посмотрел на солнце. Полдень уже миновал, но до темноты еще долго. Хоть весной темнеет рано, но все равно у них в запасе есть несколько часов. Они должны успеть. Этот ужас не должен больше повториться – нигде и никогда. Мертвый Сагем останется убежищем призраков, пустым и безжизненным, но есть много других городов, где люди пока ничего не знают о ночных кошмарах. Если не остановить упырей, кто возьмется сказать, где они нанесут следующий удар? Где они появятся завтра? Вегат, Вент, Рив, Ташам...

– Я готов, – сказал Сигмон и положил руку на черную дубинку, впервые за последние полгода пожалев о том, что больше не носит меча.

* * *

В рабочем кабинете короля всегда было сухо и тепло, даже сейчас, весной, когда сырость прячется в каждом уголке старого замка. Геордор Третий сидел за огромным столом из черного южного дуба и с восторгом ощущал седалищем мягкие подушки кресла. И при этом отчаянно жалел, что его нельзя затащить наверх, в тайную комнату. Даже если приказать маршалу и советнику исполнить роль королевских носильщиков – все равно это огромное деревянное чудовище не протащить по узенькой винтовой лестнице. А брать сюда секретные планы и работать с ними тут... Нет. На это Геордор не мог пойти. Слишком много здесь, в его покоях, глаз и ушей. Пусть не чужих – своих, родных, до боли знакомых. Но от этого они не становятся менее опасными. К счастью, не все дела требовали ночной работы в тайном кабинете. Кое-что можно уладить и днем, оставаясь в тепле и уюте.

Одна из створок широкой двери распахнулась. За ней мелькнул зеленый мундир королевского гвардейца, но тут же пропал – страж уступил дорогу посетителю, которого ждал монарх. Гость не нуждался в представлении, он был хорошо известен и королю, и страже, и всему королевству: Теофис Литремил больше полувека занимал должность главы королевского совета магов и по праву считался первым магом Ривастана. Он не нуждался в досмотре.

– Доброго дня, мой король, – сказал маг, входя в кабинет.

Монарх сдержано кивнул и указал на кресло, стоявшее перед столом. Маг, напоминавший упитанный хлебный шарик с длинной седой бородой, облаченный волею случая в синий с золотом халат, торжественно прошествовал к столу. Сел. Поднял взгляд на короля. Взор пронзительных глаз, напоминавших цветом яркое весеннее небо, светился силой и уверенностью. Пронзительный взгляд, коим так славятся маги, не сулил добрых вестей. Похоже, разговор получится долгим и трудным. Что на этот раз?

– Я слушаю тебя, Теофис, – сказал Геордор, стараясь не обращать внимания на тупую боль в левой стороне груди.

– Нам нужно поговорить о магии, сир, – отозвался маг. – О том оружии, в котором так нуждается Ривастан.

– Опять? – король нахмурился. – Кажется, на вчерашнем совете мы достаточно подробно обсудили этот вопрос. Твои маги утверждают, что готовы к войне.

– О да, готовы. Все как один. Но, мой король, я не хотел выносить на обсуждение совета некоторые вопросы. Вопросы, что требуют вашего ответа.

– Хорошо. Я понимаю тебя. Говори все, что должен.

Маг прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Геордор содрогнулся: судя по всему, маг собирался попросить его о чем-то на редкость неприятном, но необходимом для королевства. Такие просьбы всегда страшили Геордора, потому что на них нельзя было ответить отказом.

– Мы должны вернуться к работе Лигерина. Должны воскресить старые знания, скрытые от нас много лет назад по вашему приказу, мой король. Нам нужны эти силы, чтобы принести гибель нашим врагам.

– Нет, – отрезал король, догадавшись, к чему клонит маг. – Больше никакой темной мерзости в Ривастане не будет.

– Владыка Волдера не столь брезглив. Его маги владеют могущественной силой, которой лишил нас ты, мой король. Ведь именно по твоему приказу прекращены все исследования Лигерина.

– Волдер – это Волдер, – бросил Геордор. – Тяга их владык к запретному знанию принесла неисчислимые беды этой несчастной стране. Их судьба темна, а участь незавидна. Я не допущу, чтобы Ривастан пошел той же дорогой. Никакой темной магии в моем королевстве не будет.

– Геордор! – маг укоризненно покачал головой. – Мы говорили об этом много раз. У магии нет светлой и темной стороны, это лишь инструмент, что мастер использует для дел своих. Это топор, что может рубить равно и дрова, и головы. К несчастью, пришло время заняться головами, мой король, но мы лишены топора. С момента твоего воцарения все исследования боевой магии прекращены. Маги Ривастана признали твою волю, склонили головы и перестали изучать многие грани искусства. Они отдали тебе древние книги и бесценные свитки, что на долгие годы были укрыты твоими людьми от глаз магов. Это оставило брешь в наших изысканиях, огромное пустое пятно. За это время колдуны Волдера продвинулись вперед, изучили многие возможности и вероятности, а нам нечего противопоставить им.

– Ты знаешь, чем маг отличается от колдуна? – перебил Геордор.

Теофис сбился и взглянул на короля – с удивлением и даже раздражением. Потом отрицательно покачал головой, не зная, какого ответа ожидает монарх.

– Пока кудесник служит добрым делам, он маг, – ответил тот, – а как начинает склоняться к делам злым, то он колдун.

– Глупости, – раздраженно буркнул маг. – Так говорит толпа, серая масса, неспособная оценить высокое искусство.

– Так говорит мой народ, – поправил его монарх. – И его устами говорит мудрость. Я согласен с этими словами. Нам не стоит тянуться к тому, что может погубить добро в наших душах.

– Зато это поможет сохранить наши тела, – ответил маг. – И эти знания необходимы нам прямо сейчас. Враг стучит в наши ворота, желая поработить тот самый мудрый народ. Враг, что не будет разборчив в средствах.

– Я не думаю, что...

– Геордор! – гневно воскликнул маг. – О чем ты говоришь? Ты готов пожертвовать королевством ради своих убеждений? Неужели будет лучше, если Волдер придет на наши земли? Тогда нам точно не придется заботиться о том, чем различаются маги и колдуны – те из них, кто выживут, станут бессловесными рабами Волдера!

Король сжал зубы и упрямо наклонил голову. Единственному человеку в королевстве позволял он такие вольности. Старый маг, служивший еще отцу Геордора, имел на это право. Долгое время он был наставником принца и по-прежнему видел в нем непослушного мальчишку. К тому же, к великому сожалению короля, на этот раз Теофис был прав. Если не остановить Волдера сейчас, потом будет поздно заботиться о различии добра и зла.

– Твоя мягкость погубит Ривастан, – откровенно заявил маг, распаяясь все больше, – сейчас не время упорствовать, как тогда, с измененными...

– Как тогда? – воскликнул король, больше не сдерживаясь. – А что тогда? Мне нужно было оставить мальчишку на растерзание вашей своре? Вы все одно уморили бы его своими бездарными опытами и ничего не добились бы!

– Тогда мы узнали много нового! И если бы опыты не прекратились – из-за твоего детского упрямства, – возможно, сейчас у нас была бы целая армия летунов! И Волдер сидел бы в своем углу, поджав хвост, как испуганная шавка, а не стучался в наши двери стальным кулаком!

– Это было бесчеловечно, – отрезал Геордор. – Так не должно поступать никому.

– Фаомар! – воскликнул маг, потрясая кулаком. – Ты разрешил ему!

Король покачал головой, глядя на раскрасневшегося мага, взъерошенного как после хорошей драки.

– В твоих речах я слышу ревность и зависть, – сказал Геордор. – Да, Фаомару было позволено многое, и за это я не устаю себя корить. Это тоже было бесчеловечно, и этот грех я взял на себя ради процветания королевства. И не раз об этом пожалел. Его дети не сделали мир лучше, они принесли в него только еще больше страданий и боли. А сам Фаомар сполна расплатился за свои грехи.

– Но ты ему разрешил! Почему?

– Потому что у него люди не умирали на столе, как у вас, – отозвался король.

Маг нахмурился, и седые брови опустились на глаза, скрывая гневный взгляд. Удар короля пришелся точно в цель.

– Да, ему это удалось, – глухо отозвался Теофис. – Но он так и не открыл нам свои секреты.

– А вы так и не смогли повторить его успех, – упрекнул Геордор.

– Фаомар был болен и с каждым днем все больше погружался в пучины безумия. Кто знает, что именно открылось ему в этих безднах? Мы не смогли найти тот путь, что он избрал, и не решились последовать по стопам безумца.

В голосе мага слышались горечь и разочарование. Он сник, откинулся на спинку кресла и уставился в пол. Ему, величайшему магу Ривастана, было непросто признать поражение.

Король прикрыл ладонью глаза. Фаомар. Его величайшая вина, его тяжкий грех, что по ночам гонит прочь сон. Сладкий яд. Измененные, его дети, оказались полезны. Множество дел они свершили – дел тяжелых, грязных. Но многие их деяния шли на пользу королевству. Да, ради Ривастана король мог пожертвовать многим. И сейчас, похоже, снова придется это сделать.

– Что ты хочешь? – устало спросил Геордор опуская руки на столешницу. – Хватит пустых разговоров и упреков. Скажи прямо, что тебе от меня нужно.

Маг подался вперед, выпрямил спину и расправил плечи. В глазах его зажегся привычный огонь. Теперь он не казался похожим на старика, сломленного неудачей. Нет, он – маг, он не просит, он требует.

– Нам нужны архивы Башни Магов, – сказал он. – Те, что были скрыты от наших взоров три десятка лет назад. Все те бумаги, что вынесла из нашей библиотеки королевская гвардия.

– Хорошо, – коротко ответил король, смирившись с тем, что придется отступить.

– Это не все, – бросил Теофис. – Нам нужны исследования Лигерина, весь его архив. И его последний труд – «Пришествие ночи».

– Зачем? У вас все равно не хватит времени, чтобы изучить его и наверстать упущенные годы, – отозвался Геордор, не желая уступать магу. – Что вы будете с ним делать?

– Нам не нужно учиться этим граням, – отозвался Теофис. – Нам хватает своих умений. Но, чтобы составить противоядие, нужно знать состав яда. Мы изучим эту сомнительную область магии, чтобы понять, что может выставить Волдер. А потом воспользуемся тем, что есть у нас. Это не займет много времени.

Король снова прикрыл глаза, борясь с искушением отказать Теофису. Труд старого мага, проклятого даже коллегами, давно надо было уничтожить. Не нужно ему вновь видеть белый свет. Но сейчас, когда враг грозит Ривастану...

– Архив разделен на несколько частей. Бумаги хранятся в разных городах. Но вы получите их.

– И обязательно, – Теофис поднял к потолку костлявый палец, – его сборник эльфийской алхимии.

– Зачем? – удивился король. – Это слухи и легенды страны эльфов. Сам Лигерин не смог толком разобраться в этих историях. Не в силах отделить правду от вымысла, он просто собрал все в одну кучу и сделал переплет.

– Обязательно! – маг повысил голос. – Важность этих знаний трудно переоценить. Эльфийская магия таит множество секретов. Только у лесного народа сохранились истинные знания. После войны рас многие тексты людей и эльфов были утеряны, остались лишь крупинки этих бесценных сокровищ, и сборник Лигерина – одна из них. Волдер обязательно воспользуется чем-нибудь из эльфийского арсенала, и мы должны знать, чем ответить ему.

– Это невозможно, – глухо уронил Геордор.

– Никаких отговорок! – рассердился маг. – Я настаиваю! Эта книга необходима нам, чтобы отвести удар магов Волдера.

– Это невозможно, – сухо повторил король. – У меня нет этой книги. Ее похитили из тайника больше года назад.

– Похитили?! – возопил маг, приподнимаясь из глубокого кресла. – Как, откуда?

– Она хранилась в городской коллегии Вента, – неохотно отозвался Геордор. – Маги сами не знали, что у них в руках, просто исполняли мой приказ. Позапрошлой осенью книгу украли. Никто не знал ее истинной ценности, поэтому пропаже не придали большого значения. Когда до меня дошла эта история, было слишком поздно. Похитителей не нашли.

Теофис тяжело рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

– Какой удар, – глухо сказал он. – Если книга попала в руки Волдера полтора года назад... Нам придется очень тяжело, мой король.

Геордор нервно подергал рукав мантии, подбитый алым бархатом. Ему тоже не нравилась эта история. Слишком много в ней было загадочного, а загадки король не любил – слишком много неприятностей они таили.

– Ладно, – тяжело проговорил Теофис. – Хорошо. Тогда придется обходиться тем, что есть.

– Я верну все записи королевского совета, – отозвался король, и в его голосе появились нотки сожаления – совсем как в годы ученичества, когда ему случалось прогневать сурового мага-наставника. – Все то, что хранится в королевских архивах.

– Этого мало, – отрезал маг. – Нам нужен живой образец. Измененный.

– Зачем? При чем тут измененные?

– Волдер много работал с магическими мутациями на основе эльфийских эликсиров. Мы думали, что сможем получить необходимые сведения из сборника Лигерина. Но раз его нет, нам нужен живой образец.

– Нет, – отрезал король. – Эрмина вы не получите.

– О нет, – отозвался маг. – Оставь свою игрушку себе, мой король. Нам нужен один из детей Фаомара. Ты так и не отдал нам ни одного из них, хотя мы умоляли тебя подумать о будущем. Но теперь все изменилось, мой король, теперь нужно беспокоиться о настоящем – от этого зависит судьба Ривастана. Магия трансмутаций – одна из самых перспективных граней искусства. Не обязательно изменять людей. С помощью этих знаний можно получить новое оружие, новые укрепления и новые заклинания... Да. Новые заклинания. Для их создания тоже необходимо знать законы магических мутаций, чтобы сплавить из трех старых заклятий одно новое. Вот чего ты лишил нас, Геор, когда запретил работать с изменениями – развития магии. Нашего будущего.

Король стиснул зубы. Все это зашло слишком далеко. Он не мог позволить продолжать бесчеловечные опыты, он проявил мягкость, недостойную властителя. Слабость. Неужели теперь за это придется расплачиваться всему Ривастану? Неужели лучше, чтобы сотня людей умерла в мучениях, но зато сотни тысяч потом были спасены? Вопрос в цене. Не слишком ли она велика?

– Все дети Фаомара мертвы, – глухо произнес король, разглядывая рукав мантии, побитый молью.

– Последыш, – напомнил Теофис. – Мальчишка из деревенской глуши. Ведь это он прикончил самого Фаомара, а потом и остальных его детей? Самый удачный экземпляр, судя по всему. Вершина творчества безумного мага. Нам нужен именно он.

– Нет, – ответил король. – Так не получится.

– Геор! Ты не должен...

– Молчать! – крикнул король, поднимаясь из кресла. – Хватит, Теофис! Сегодня ты зашел слишком далеко! Не смей указывать мне, что я должен делать, а чего не должен!

Маг тоже поднялся на ноги, не осмеливаясь сидеть в присутствии монарха. Они стояли друг напротив друга – два старика с седыми бородами и морщинистыми лицами. Два старца, одному из которых исполнилось почти полвека, а второму – почти полтора. Два человека, уверенных в собственной правоте и желающих защитить Ривастан – каждый по-своему. Ни тому, ни другому было не занимать силы духа и решительности. Но один из них был королем. А второй – нет.

– Ступай, – бросил Геордор. – Ты получишь все, что я обещал. Все, что я могу дать. Но чего не могу, тебе не видать, что бы ты ни сказал.

Маг остался на месте, не отрывая пронзительного взора от короля. Он не просил, он требовал – этот толстый старый человек, державший в кулаке всех магов Ривастана. У него была власть, у него была сила. . . Но он оставался только вторым. И все же он не желал уступать. Он давно забыл, как это делается.

– Последыш, – буркнул Теофис. – Мы ничего не сделаем с ним. Только осмотрим.

– Он далеко, – сказал король. – И у него есть своя работа. В любом случае Волдер нападет раньше, чем Ла Тойя сможет появиться в столице. Работай с тем, что у тебя есть, Теофис. Ступай.

Лицо мага пошло красными пятнами, словно на него плеснули кипятком. Казалось, еще миг, и он взорвется фонтаном площадной брани. Но выдержка ему не изменила – маг взял себя в руки, коротко поклонился и повернулся к монарху спиной. Потом быстро вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Геордор Третий со стоном повалился обратно в широкое королевское кресло. После вспышки гнева накатила предательская слабость, и ноги сами подогнулись. Ему нужно поспать. Всего лишь немного сна. Но теперь, когда он узнал все это. . .

– Мой король?

Геордор приоткрыл глаза и увидел встревоженного Эрмина. Во время беседы тайный советник сидел за тяжелой портьерой и, конечно, не упустил ни слова. Когда ушел маг, он выбрался из убежища и поспешил к усталому монарху. Король шумно вздохнул – ему предстоял еще один тяжелый разговор.

– С вами все в порядке, сир? – спросил граф, наклонясь над креслом.

– Все в порядке, Эрмин, – отозвался Геордор. – Просто немного не по себе.

– Вы сильно побледнели, сир. Не нужно было так кричать, вы же знаете, что лейб-лекарь запретил вам волноваться.

– Все сходится, Эрмин, – тихо ответил король. – Последний кусочек мозаики встал на свое законное место. Все сходится.

– Что именно? – переспросил граф.

– Сборник Лигерина, – отозвался Геордор. – Сборник эльфийской алхимии, в котором хранятся тайные знания о магии изменения. Вот что мы упустили, Эр.

– Не понимаю, – признался де Грилл, осматривая королевские покои в поисках хрустального графина. Он сам принес его сюда перед встречей с магом. Его Величеству определенно требовался хороший глоток крепкого вина.

– Эрмин! – позвал Геордор. – Он был там, в Венте, когда украли сборник Лигерина. Это сделал он.

– Кто? – насторожился де Грилл, вытаскивая графин из груды пергаментов на краю стола. – Ла Тойя? Да зачем ему этот сборник. . .

– Нет, – перебил его король. – Не он. Это Риго де Сальва, нынешний властитель Дарелена.

Графин выскользнул из руки Эрмина, ударился о край стола и разлетелся на мелкие осколки. Густое вино из Гернии потекло по столешнице кровавой волной, заливая королевские карты и донесения.

– Вампиры, – выдохнул граф.

* * *

В полной тишине они шли по пустым улицам Сагема, постепенно подбираясь к центру города. Здесь встречались здания сложенные из камня, возведенные на месте старых, деревянных. Судя по всему, за прошедшие полтора года город сильно разросся. Камень в этих местах редкостью не был, но дерево обходилось много дешевле. Похоже, город процветал, раз в нем появилось столько каменных домов. До мостовой, правда, дело пока не дошло и потому приходилось шлепать по подсохшей грязи.

Впереди шел Рон, указывая дорогу. Следом за ним осторожно ступал Сигмон, не забывая поглядывать по сторонам. Замыкал процессию Ворон, шедший следом за хозяином как послушный пес. Тан давно привык, что жеребец умнее многих животных и некоторых людей. В последние полгода Ворон оставался единственным его собеседником и товарищем, и Сигмон стал относиться к нему как к молчаливому спутнику, а не как к жеребцу.

Алхимик успел и умыться, и приодеться. Он сполоснул лицо и руки в лошадиной поилке у пустой конюшни, а одежду нашел прямо на дороге. Когда он достал из очередной груды праха крепкие сапоги, вытряхнул из них останки бывшего владельца и натянул на ноги, Сигмона чуть не стошнило. Рон же, заметив его страдальческий взгляд, только задорно подмигнул – мол, не пропадать же добру. Оно уже никому не понадобится. Тан лишь покачал головой, и когда алхимик раздобыл таким же образом колет и плащ, промолчал.

Проходя мимо горсточек праха на дороге, Сигмон с ужасом понимал, что их становится все больше. Это было похоже на действие ужасного магического оружия, что истребило все население города за несколько минут. Тан никак не мог поверить, что это все сделали вампиры. Их, конечно, никогда нельзя было назвать добрыми и милыми, но все же они оставались такими же существами, как люди. Ведь дневной и ночной народ могли жить в мире. Зачем им это понадобилось, зачем?..

Проходя мимо большого особняка с железной оградой, Рон ткнул пальцем в сторону ворот. На них висела толстая ворсистая петля, а точно под ней лежал ворох одежды, присыпанный пеплом. Тан стиснул зубы. Кто-то из людей не выдержал мучений. Или не захотел новой страшной жизни. Он повесился на воротах собственного дома и, скорее всего, так и не смог умереть, пока не взошло солнце и не сожгло его дотла.

Зло. Этот город дышал злом, и тан никак не мог понять, откуда оно пришло. Зачем, почему? Кто сошел с ума – он или весь остальной мир? Сигмон был в замешательстве. Еще пару дней назад ему казалось, что он видел зло. Видел смерть, испытал отчаянье, познал разочарование и в мире, и в себе. Он видел чудовищ, и сам был чудовищем. Но это... Целый город, что никогда не вернется к былой жизни. Целый город, когда-то наполненный жизнью, умер за одну ночь. Чего хотели упыри? Ведь они не случайно забрели сюда, в маленький городок на окраине большой страны. И они отправили одного кровососа в Вегат. Кто знает, что было у него на уме?

Сигмону отчаянно захотелось очутиться подальше отсюда. Нет, он не испугался. Просто очень захотелось в Ташам. Он встретил бы там Арли, и она смогла бы все объяснить. Он зарылся бы лицом в ее черные локоны, а она рассказала бы о том черном злодее, что сотворил такое бесчинство. А потом Сигмон нашел бы его и убил. И они вернулись бы домой, обратно, на гору, и жили долго и счастливо. Да. Так было бы хорошо, так было бы правильно. Но сердце подсказывало тану, что так бывает только в сказках. Раньше он сказал бы – во снах, но теперь его сны стали страшнее реальности.

Все что начинается плохо, кончается еще хуже. Оставалось только надеяться, что и сегодняшний день обернется страшным сном. Он этого хотел, он страстно желал сделать Сагем лишь ночным кошмаром и поэтому шел вперед, следом за алхимиком. Нужно было найти про-

тивоядие от этой черной отравы. Или хотя бы попытаться его найти. Больше такого не должно случиться ни с одним городом, Сагем должен остаться страшной легендой – и только.

Ронэлорэн шел быстро, но не забывал оглядываться по сторонам в поисках подходящего оружия. Он не догадался захватить из кузницы топор, но возвращаться не хотел – времени у них оставалось не так уж много. Пока ничего приличного им не встретилось, хотя Сигмону казалось, что на улицах должно быть оружие – не с пустыми же руками жители Сагема встречали упырей? Нужно было зайти в какой-нибудь дом, но при взгляде на пустые глазницы окон у Сигмона пропало всякое желание заходить во двор. Он взглянул на солнце, прибавил шаг и догнал друга.

– Вот, – сказал он, – возьми пока хоть это.

Рон хмыкнул, но принял нож Сигмона. Клинок из отличной стали, ухватистая рукоять из крепкого дерева – все это сразу понравилось алхимику, хотя нож больше походил на военный тесак, чем на нож охотника.

– А как же ты? – спросил он, не сбавляя шага.

В ответ Сигмон молча похлопал по дубинке, что висела на поясе. Заметив любопытствующий взгляд друга, он показал ему кинжал, что прятался внутри дерева.

– Эльфийское серебро? – спросил Рон. – Неплохо. Знатная штукавина. Откуда она у тебя?

– Досталась от одного настоящего охотника на вампиров, – ответил Сигмон. – Встретил его в одном из придорожных трактиров, когда шел на север. Мы славно поговорили, и на прощание он отдал мне эту штукавину. Сам он был уже слишком стар, чтобы ею пользоваться.

– Дорогой подарочек вышел, – подметил Рон. – Если даже не брать в расчет кинжал. Это же теллас, эльфийское черное дерево. Оно покрепче иной железки будет. Его специально выращивают, чтобы делать оружие.

– Да? – удивился Сигмон. – А ты откуда знаешь?

– Сам видел, – небрежно бросил алхимик. – Повидал, знаешь ли, на родине предков.

– Ага, – сказал тан. – Значит, времени зря не терял?

Алхимик немного помолчал, потом ответил, хоть и с неохотой:

– Когда ты сбежал, я решил что достаточно времени провел в этих краях, и отправился на запад, в земли эльфов. По дороге я зашел к барону Нотхейму, узнал, что ты жив и здоров, потом отправился в Дарелен и рассказал все Арли.

– Спасибо тебе, Рон, – тан положил руку на плечо друга. – Ты мне очень помог, правда. А я и правда вел себя как дурак. Понимаешь, я тогда был немного не в себе. Мне нужно было побыть одному, совсем одному, понимаешь?

– А, – Рон махнул рукой. – Оставь эти танцы. Мне твои оправдания на хрен не нужны, я тебя давно простил. Тем более что ты опять спас мою задницу. Это, наверно, и есть судьба. Если бы я не рассказал Арли, что с тобой, она бы к тебе не пришла. А потом она бы не ушла, ты бы не слез со своей драной горы, чтобы ее разыскать, и не пришел бы в этот сраный городишко. И тогда сейчас я сидел бы в кандалах и очень жалел о том, что вернулся обратно на восток, к людям.

– Так ты добрался до земель эльфов? – удивился тан. – До самого Фаэльвира?

– Нет, что ты. После Дарелена я отправился дальше на запад, в Варру. Там много таких полукровок как я, хотя людей намного больше. Это только начало страны лесов, так что я прошел Варру насквозь и добрался до Эллары. Говорили, мой отец родом оттуда.

Они шагали рядом, и тан внимательно слушал друга. Он мало что знал про эльфов. Нет, конечно, древние легенды и сказания он заучил еще мальчишкой. Но все они были написаны после войны рас, когда войска людей выдавили эльфов на запад, в глухие леса. И потому рассказы отличались большим патриотизмом и малой достоверностью. Сейчас тан это прекрасно понимал, и, вспоминая сказания, удивлялся: неужели он был настолько наивен, что верил,

будто война – дело благородное и красивое? Кровь и смерть, верность и предательство... Все оказалось совсем не таким, как в книгах И теперь тан сомневался – стоит ли верить тому, что он знает об эльфах.

– Знаешь, – продолжал Рон, – там все по-другому. Совсем по-другому. Они живут на деревьях, почти не едят мяса. Выращивают разные забавные штуковины. Даже оружие и то выращивают – и луки, и копья, и стрелы. А уж алхимия... Гернийские маги съели бы свои башмаки от зависти, если бы только знали, что делают в Элларе. А ведь это еще не Фаэльвир. Страшно подумать, что творится там, на самом востоке, где живут древнейшие.

– Ты нашел родню? – напрямую спросил тан.

– Ага, – алхимик кивнул. – Нашел. Но знаешь, не могу сказать, что сильно этому обрадовался. Да и они тоже. Я немного пожил с ними. Узнал много всего интересного, научился кое-каким новым трюкам... И вернулся.

Алхимик взглянул на друга и улыбнулся – печально, без тени веселья.

– Знаешь что забавнее всего, – сказал он. – Они не любят людей. Так что в одном краю меня гоняли за Ронэлорэна, а в другом – за Рона. Родня, правда, дальняя, меня приняла, хоть и с неохотой. Но остальные... Их молчаливая холодная ненависть хуже, чем травля здесь, в Ривастане. Они умеют ненавидеть молча. Их отстраненность бьет сильнее, чем кнут.

Сигмон снова положил руку на плечо Рона и молча сжал пальцы. Алхимик поморщился.

– Я вернулся, – сказал он. – Потому что принадлежу этому миру. Знаешь, Сигги, если однажды тебе покажется, что вернуться к прошлому это хорошая идея – не верь себе. Если что-то ушло, сторело и теперь присыпано пеплом, то не стоит его ворошить. Из него может родиться пламя.

– Я знаю, – тихо ответил тан, вспоминая, как огненные волны плясали на развалинах родового имения. – Я знаю.

Алхимик шагнул вперед, и рука Сигмона соскользнула с его плеча.

– Ладно, – сказал он и трубно высморкался в пыль. – Хватит ныть. Пора заняться делом. Мы пришли.

Центральная площадь Сагема – такая же пыльная и грязная, как улицы города – оказалась не слишком велика. Пожалуй, в Венте или в городе мастеров она сошла бы за большой перекресток. Дома стояли полукругом, и даже не все из них были каменными. Улицы, расходящиеся от площади, казались переулками. Никакой брусчатки нет и в помине – грязь, пыль, как в деревне. В центре площади высился старый развесистый дуб, бросая тень на каменный бортик колодца – вот и вся площадь.

Ратуша оказалось большим двухэтажным зданием, сложенным из серых камней. Она напомнила Сигмону ратушу Вегата, где он встречался с городским главой – те же строгие линии, невзрачный вид, отсутствие украшений, узкие оконца с простыми деревянными ставнями. Казалось, их построили по одному и тому же чертежу. Вот только в городе мастеров у ратуши не было высокой башенки, где помещался колокол.

– Мода у них такая, что ли, – сказал Рон, заметив, что его друг рассматривает здание.

– Наверно, – отозвался тан. – Серость к серости, убожество к убожеству.

Рон ухмыльнулся и снова высморкался, выражая презрение к архитектурной моде.

– Какой у тебя план? – спросил Сигмон.

– Просто войдем в дверь, поднимемся на второй этаж, в покои городского главы, и заберем мои вещи. В последний раз я видел их там, как раз когда у меня их отобрала стража.

– А вампиры? Ты, кажется, собирался устроить кровопускание одному из них?

– Не волнуйся, – отозвался Рон, кровожадно поигрывая тесаком. – Именно в тех покоях и гнездятся упыри. Все любят уют, и кровососы – не исключение. Я просто кольну кого-нибудь из них и быстренько на выход, пока солнышко не село.

Сигмон нахмурился. План оказался вполне в духе Ронэлорэна – войти, быстро взять что нужно и убежать. Сам тан предпочел бы иной вариант – войти, всех убить, а потом спокойно заняться другими делами. К сожалению, его план был еще хуже. Упыри днем спят, но вовсе не мертвецким сном, а самым обычным – как человек ночью. Они вполне могут ходить. И драться. Только остерегутся высовываться на улицу, чтобы не попасть под смертельные лучи солнца.

– Значит так, – сказал Сигмон. – Входим в здание. Если нам повстречается вампир, я его упокою, ты возьмешь его кровь, и мы быстро уйдем, оставив твои вещи там, где они лежат.

– Это еще почему?

– Потому что мне придется либо скрутить кровососа, либо упокоить. И то и другое – шумное занятие. Мы можем разбудить остальных, и тогда из этого склепа нам живыми не выйти.

– Мне нужна кровь тех, что пришли из Дарелена, – мрачно отозвался алхимик. – Именно с них все началось.

– Быть может, хватит крови новообращенного? – осведомился Сигмон.

– Я не знаю, как они меняются, – отозвался полуэльф. – Чтобы знать наверняка, мне нужна кровь тех, кто их обратил. Иначе опыта не получится. Нужен чистый материал, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Сигмон. – Но ничего обещать не могу. Прежде всего – наша безопасность, а потом уже опыты.

– Кроме того, мне нужны мои реактивы, а они в мешке, – Рон нахмурился. – Да и образец нужно хранить в специальной темной склянке, подальше от солнца. У меня специально припасена подходящая банка.

– Если нам сразу никто не встретится, идем искать твои вещи, – сказал Сигмон. – Но если мы при входе наткнемся на упыря, то сделаем так, как сказал я. Иначе тот образец некому будет исследовать, поверь мне.

– Ладно, – нехотя согласился алхимик, признавая, что боевого опыта у его друга много больше, чем у него самого. – Годится. Что делаем сейчас?

Сигмон глянул на солнце, потом перевел взгляд на двери ратуши. Распахнутые настежь, они манили черным провалом. Некстати вспомнился сон. Но ратуша не походила на башню в лесу, да и вместо эльфийского меча в руках Сигмона была лишь крепкая деревянная дубинка.

– Идем, – вздохнул тан.

* * *

Они вошли в ратушу крадучись, словно воры, что навестили темной ночью дом зажиточного горожанина. Сигмон вошел первым, готовясь пустить свою дубину в ход при малейшем намеке на опасность. Он ступал уверенно, но беззвучно, так, как подсказывал зверь, сидящий внутри. Следом за ним шел Ронэлорэн, бесшумно, как умеют ходить все, в ком есть хоть чуточку эльфийской крови. Прислушавшись, тан подумал, что из них получился бы отменный дуэт грабителей.

За распахнутой дверью таился длинный пустой зал с парой деревянных скамеек. Здесь было темно – все ставни в ратуше оказались плотно прикрыты, и случайные лучики света, пробившиеся сквозь щели, таяли в сгустившейся тьме. Сигмону это ничуть не мешало – он прекрасно видел в темноте.

Рон тронул друга за плечо и молча указал в дальний угол зала: там притаилась широкая лестница из дерева с деревянными же перилами, что вела на второй этаж. Сигмон наклонил голову и двинулся вдоль стены к лестнице, стараясь не наступать на скрипучие доски пола, расшатанные бесконечной вереницей посетителей ратуши.

До лестницы они добрались быстро, так никого и не встретив. Тан взялся за перила, еще хранившие тепло весеннего дня, и прислушался. Тихо. Он чувствовал присутствие вампиров, знал, что они здесь. Но их запах ощущался слабо – словно тихое эхо былой жизни ходило по замершему дому, постепенно затихая в темноте. Упыри спали.

Алхимик снова тронул Сигмона за плечо и ткнул пальцем в потолок. Все верно. Они никого не встретили, значит, пора отправляться на поиски вещи Рона. Тан вздохнул и поставил ногу на первую ступеньку.

Лестница оказалась невелика – всего один пролет. Но он вел в пустоту – света на втором этаже не было. Хотя темнота Сигмону не мешала, ему стало не по себе от мрачной пустой лестницы, что еще хранила следы прикосновения людей. Он увидел на стене след копоти и понял, что совсем недавно отсюда убрали светильник.

Миновав десяток ступенек, друзья оказались между двух этажей, и тан затаил дыхание – он словно завис меж мирами. Внизу, в большом зале, еще чувствовалось дыхание дня: из распахнутых дверей лились приглушенный свет и весеннее тепло. А со второго этажа, с лестницы, веяло холодом и тленом. Из темноты пахло плесенью, тянуло сыростью, и на мгновение тану показалось, что он стоит на краю собственной могилы. Он вдруг отчетливо понял, что если войдет в эту тьму, то может и не вернуться обратно. И больше не увидит восхода и заката, соснового леса, рек и пустых дорог... И Арли. Вся его жизнь будет напрасной, если оборвется здесь и сейчас.

Тан замер на верхней ступеньке, и алхимик ткнулся ему в спину. Зашипел что-то неразборчивое и подтолкнул друга плечом. Сигмон мигом очнулся и схватил Рона за плечо – если он будет шуметь, они точно никогда не выберутся из этого могильника.

Лестница вывела их в длинный коридор с множеством закрытых дверей. Сигмон прекрасно видел их в темноте, правда, все кругом было серым и бесцветным. А вот полуэльф отчаянно таращил глаза, пытаясь разобрать хоть что-нибудь. Тан осмотрелся и заметил, что в стене пристроилась маленькая винтовая лестница, ведущая выше – в башенку с колоколом.

Алхимик, наконец, рассмотрел в темноте знакомые очертания и указал пальцем на одну из дверей. Сигмон коротко кивнул и скользнул по коридору к заветной двери. На ходу он переложил дубинку в левую руку и приготовился хорошенько отделать любого, кто встанет на его пути.

Дверь оказалась не заперта. Сигмон осторожно тронул медную ручку пальцем, и дверь распахнулась. Из темного проема выплеснулся запах тлена, накрыв тана такой густой волной, что он чуть не закашлялся. В комнате оказалось темнее, чем в коридоре, хотя казалось, что такое невозможно. И все же Сигмон, пусть и не сразу, рассмотрел, что находится внутри.

Большая комната оказалась почти пуста. Только в центре расположился обеденный стол с пустыми подсвечниками. Его столешницу запачкали чем-то липким даже на вид, и Сигмон решил не думать о том, что это могло быть. Ставни в комнате оказались плотно прикрыты и занавешены плотными шторами из черного бархата. Больше в комнате не было ничего – словно мебель вынесли дотошные кредиторы, решив пустить ее с молотка. И лишь в дальнем углу, за столом, Сигмон увидел большой заплечный мешок. Он весь был покрыт темно-зелеными узорами, напоминавшими переплетение весенней лозы, и тан понял, что это – мешок Рона.

Алхимик жадно сопел за плечом – он ничего не видел, но почувствовал, что его друг напрягся. Пальцы Рона впились в плечо тана, словно спрашивая: что там? Сигмон обернулся, отцепил руку алхимика от плеча и знаком велел ему остаться в коридоре. Рон послушно закивал, отступил на шаг и только тогда тан осторожно вошел в комнату.

Он шел аккуратно, словно по тонкой бечевке, натянутой над пропастью. Скользил неслышно, как по льду. И даже не дышал. И только когда добрался до мешка и ухватил его за лямку, то понял, как он ошибался.

Обернувшись, он увидел то, что не заметил сначала – у стены, что выходила в коридор, на полу примостились два темных силуэта. Сигмону не нужно было гадать, что это, он уже почувствовал спящих вампиров. Войдя в комнату, он просто их не заметил, не догадался обернуться. А чутье его не подвело, нет. Просто в ратуше собралось столько кровососов, что тан чувствовал их постоянно и не мог точно определить, близко они или далеко.

Эти, что лежали на полу, оказались слишком близко. Самые настоящие Старшие – ловкие, быстрые, умелые, прожившие не один человеческий век. Смертельно опасные, даже для такого чудовища, как бывший армейский курьер с чешуей вместо кожи. Но хуже всего было то, что Старшие не спали. Из темноты на Сигмона смотрели две пары красных глаз. Смотрели насмешливо, с прищуром, спрашивая – мол, попался?

Под этими взглядами тан почувствовал себя соломенным болваном, мишенью лучников, которой нарисовали красный круг прямо на груди. Он стоял, сжимая в одной руке дубинку, в другой – мешок с вещами алхимика, а две темные фигуры медленно поднимались с пола. И где-то там, внизу, шевелилось что-то живое и темное, похожее на ожившее болото.

Упыри просыпались.

Сигмон шумно сглотнул и сделал то единственное, что еще мог сделать – взмахнул рукой и швырнул мешок в Рона, заглянувшего в комнату. Алхимика вынесло в коридор, и он ударился спиной о противоположную стену. Сдавленно кашлянул.

– Беги! – крикнул тан изо всех сил, уже нисколько не таясь. – Беги к свету, Рон!

Упыри разом зашипели и в мгновение ока очутились на ногах. Сигмон выхватил кинжал из тайных ножен и шагнул им навстречу.

– Начнем, пожалуй, – только и успел сказать он.

Это ничуть не походило на дуэль с Тератом, принесшую тану сомнительную славу среди ночного народа. Упыри кинулись на него разом, пытаясь дотянуться до горла, а Сигмон не успел увернуться. Вампиры навалились дружно, свалили его на пол и сразу выбили из рук кинжал. Тан лягнул одного из кровососов, второму отвесил оплеуху, и схватка превратилась в кабацкую драку, где противники лупят друг друга, не разбирая, где свои, а где чужие. Именно это и спасло тана.

За время путешествия ему пришлось не раз участвовать в подобных баталиях, и он знал, как нужно себя вести: Сигмон бил, рвал, и кусал все, что оказывалось поблизости. Он превратился в яростный смерч, щедро раздающий тумачи всем, кто подвернулся под руку. Вампиры, пытавшиеся действовать сообща и поддерживать друг друга, были сметены натиском Сигмона. Если бы они оставались простыми людьми, то давно превратились бы в кровавое месиво. Но людьми они не были.

Они вставали после смертельных ударов и снова бросались в бой, не обращая внимания на переломы и раны. Сигмон отшвыривал их прочь, легко, как соломенных истуканов, но никак не мог нанести решающий удар – просто не мог атаковать, едва успевая защищаться. Быстрые и ловкие, Старшие ускользали из его рук и не давали ни мига передышки. Тан попытался нашарить на полу кинжал из эльфийского серебра, но кровососы повалили его, прижали к доскам, и Сигмон почувствовал, как их когти скрежещут по чешуе. Он забился в их руках пойманной рыбой и вывернулся из захвата. Ногами отбросил одного, а второй оказался так неловок, что попался в руки Сигмона. Тан мигом выдавил ему глаза пальцами, вырвал нижнюю челюсть и оттолкнул в сторону. Потом вскочил, одним ударом сшиб с ног первого упыря и стал охаживать его ногами, пытаясь попасть в голову.

Ему даже удалось это сделать. Один раз. Вампир распластался по полу, Сигмон нацелился добить его, однако на спину ему кинулся изуродованный, но еще живой упырь. Он прижал руки тана к бокам, тот ударил головой назад, потом еще раз, с ужасом понимая, что драгоценное время тает, как снег на солнце. Но он ничего не мог сделать – завяз в драке с упырями, вместо того, чтобы бежать.

Удачный момент был упущен: первый кровосос уже поднимался с пола, а дверь распахнулась настезь, впустив в комнату десяток новообращенных упырей, выглядевших как пародия на людей. Живой волной они катили на Сигмона, который никак не мог освободиться от повисшего на нем упыря. Новообращенные, не такие подвижные, как Старшие, замешкались в дверях, и Сигмон понял, что еще миг – и его захлестнет волной кровососов, жаждущих его крови. Он захлебнется под их натиском, его завалят телами и раздерут на мелкие клочья, как тряпичную куклу. И он больше никогда не увидит Арли. Арли.

Гнев огнем плеснул в голову, отдавшись в висках барабанной дробью. Тан зарычал, извернулся и ухватил упыря, что висел на нем. Отдирая его от себя, Сигмон услышал, как с хрустом ломаются пальцы кровососа, намертво впившиеся в его тело. Тан подхватил извивающегося вампира и поднял на руках, словно ребенка. Он слышал, как в спину дышит строй новообращенных, чувствовал, как к нему тянутся костлявые руки, несущие смерть и знал, что уцелевший Старший стоит за спиной, скаля длинные клыки в злой усмешке. От смерти Сигмона отделял один лишь миг, один удар сердца, что казался ему сейчас целым годом. И тогда тан изо всех сил швырнул свою ношу в черный бархат, скрывавший окно.

Упырь вышиб ставни и вылетел наружу вместе с занавесками. Он успел вскрикнуть, как раненый зверь, а потом солнце приняло его в свои объятия, и кровосос рассыпался прахом.

В окно хлынул солнечный свет и озарил комнату, словно пламя пожара. Тан успел повернуться и увидел, как ряды новообращенных тают в огненном дыхании весеннего солнца. Вампиры рассыпались в прах – не успев ни вскрикнуть, ни шевельнуться. Горстками пепла они падали на пол и открывали солнцу тех, кто стоял позади.

В мгновение ока комната опустела. Последним растаял Старший. Он успел добраться до двери, надеясь спрятаться от солнца в доме. И уже шагнул в темный проем, но ему в спину ударил свет и в коридор высыпалась лишь грудa пепла. Серой волной она перекатила через порог и расплескалась по доскам коридора. Дом, обращенный в склеп, замер. Потом вздохнул и заворочался – упыри почувствовали гибель сородичей и стали просыпаться. Тан ощущал, что в ратуше их осталось еще много – слишком много для одного охотника на вампиров. И там, в самой темноте, скрывались еще трое Старших. Сигмон улавливал их злую волю, что толкала новообращенных к светлому коридору. Они хотели мести, они жаждали крови охотника на вампиров, который посмел прийти в самое сердце их нового дома.

Сигмон оглянулся. Окно сияло солнцем, манило к себе и обещало спасение от ужасов ратуши, ставшей склепом. Ему нужно всего лишь выбраться из окна и спуститься вниз по стене. Упыри не осмелятся войти в эту комнату и тем более не посмеют преследовать его на улице. Всего пара шагов в сторону. Отступить не значит сдаться.

Вздыхнув, тан отвернулся от сияющего проема. Он нагнулся, нашарил в куче праха кинжал и выпрямился, сжимая его онемевшими пальцами. Потом подобрал дубину и пошел к двери, ведущей в темноту.

Там, в коридоре, остался Рон. Успел он выбраться или нет – это Сигмон должен был узнать наверняка. Должен.

* * *

Ветер трепал перья, сбивал с пути, грозя снести птицу в сторону леса. Это было неприятно, и ворона, вечная спутница любого города, недовольно каркнула. В последнее время притихший Сагем нравился ей все меньше и меньше. Здесь стало очень мало еды и много опасности. Будь ее воля, она бы еще вчера отправилась на север. Всего полдня пути, и у нее будет новый дом и вкусная еда. Но что-то удерживало ее здесь – над пустой площадью города, что пах мертвечиной. Это ей не нравилось, и мертвечина – в первую очередь, ибо та двигалась и норовила закусить самой вороной, вопреки всякому здравому смыслу.

Ветер усилился, и птица спустилась пониже – к самой верхушке каменной ратуши. Она начала высматривать подходящий карниз, но ее вдруг развернуло и бросило вниз – прямо к распахнутым дверям.

Ворона забила крыльями, рванулась в сторону, подальше от черного проема и только краем глаза увидела, как из ратуши выскочил светловолосый человек с мешком в руке. Не удержавшись на ногах, он упал, и пыль взметнулась к солнцу сизым облаком. Ворона сделала круг, глянула на него с надеждой – этот не походил на живую мертвечину и вполне мог стать обычным трупом, старой доброй едой. К тому же свежей. Но человек резво вскочил, закинул мешок за плечи и погрозил кулаком в сторону распахнутых дверей. Потом закричал, и его пылающее гневом лицо налилось темной кровью. Не дождавшись ответа, он выхватил из-за пояса огромный нож и снова вошел в ратушу – в самую темноту, битком набитую живой мертвечиной.

Ворона решила, что все кончено и сегодня обеда не будет. Она взлетела и попыталась повернуть на север, к окраинам, но беспощадная сила бросила ее обратно вниз, прямо на ветви дуба, что рос посреди площади. Отчаянно бранясь, ворона утвердилась на самой толстой ветке и нахохлилась, разглядывая двери ратуши.

Она не знала, зачем она здесь сидит и почему. И что ее держит на этом засохшем дереве. Ворона знала только одно: она должна сидеть и смотреть на двери каменного дома, от которого пахнет смертью.

* * *

В пустом коридоре царил полумрак: свет, что лился из распахнутой двери, заставил темноту отступить. Но его было слишком мало, чтобы полностью рассеять тьму, пропитавшую весь дом.

Сигмон огляделся. Никого. Ни малейшего намека на то, откуда взялась толпа упырей. Лишь некоторые двери в длинном коридоре приоткрыты, те, что раньше были накрепко заперты. Быть может, это кабинеты, в которых мирно трудились счетоводы, а может – кладовые с залежами бумаг. В любом случае тан не собирался любопытствовать, что там. Себе дороже.

Осторожно ступая по скрипучим доскам, он подошел к лестнице. Около деревянных перил тьма снова сгустилась, и тан остановился, пытаясь рассмотреть, что там внизу. Полоса солнечного света осталась за спиной, и Сигмон почувствовал себя неловко, словно лишился поддержки друга, прикрывавшего спину. Ему не хотелось нырять в темноту с головой, возвращаясь в царство неуспокоенных, откуда он только что вырвался. И все же... Он не слышал крика Рона, не почувствовал его смерть. И не ощутил радости вампира, утоляющего голод. Это значит, что алхимик жив. Если бы это оказался кто-то другой, не Рон, тан давно бы вылез в окно и поискал спутника на улице – вдруг ему удалось выбраться самому. Но если полуэльф не выбрался, то любая задержка могла обернуться его смертью. А это ведь Рон – тот самый, что шел с ним до самого конца, тот друг, которого он бросил в прошлый раз. Нет. В этот раз он не оставит Рона одного.

Затаив дыхание, как перед прыжком в воду, тан ступил на лестницу и начал спускаться, держа перед собой кинжал из эльфийского серебра. Тьма сгущалась над головой, словно Сигмон погружался в мутные воды стоячего пруда. Запах плесени накатил с новой силой, а дыхание сырой земли – осенней и холодной – он чувствовал всей кожей.

На последней ступеньке тан споткнулся и едва не скатился по лестнице. Пришлось спрыгнуть на пол, и уже тогда он понял, что не стоило этого делать. Лучше было бы ему остаться на лестнице.

Зал на первом этаже, что раньше пустовал, теперь был во власти проснувшихся упырей. Серая масса шевелилась ожившим болотом, качалась из стороны в сторону, подчиняясь

неслышному ритму. Их было не меньше двух десятков. В темноте поблескивали обнаженные спины – большинство новообращенных не думали об одежде. И от всех от них волнами распространялся запах земли и могильной сырости.

Когда ноги Сигмона коснулись скрипучих половиц, десяток голов повернулись к нему. Быстро. Слишком быстро. Похоже, новообращенные уже приходили в себя – те, что были укушены раньше других. Утолив первый голод, они осознали, что произошло, и теперь пытались приспособиться к новой жизни. Скоро и остальные станут такими – когда уймут нестерпимую жажду крови, что сейчас лишает их рассудка. Они придут в себя, станут как Старшие – чувствующие и мыслящие чудовища, одержимые жаждой крови. Сигмон понял: это и содрогнулся. Только здесь, пред ликом пахнувшей тленом толпы, он понял, это не просто нападение, не просто охота. Это рождение новой расы – злобной, смертельно опасной и на редкость плодовитой. Расы паразитов, что может в считанные месяцы заполнить все земли людей. Время ночного народа прошло. На смену им явились настоящие упыри из древних легенд.

Живое болото всколыхнулось, по нему пошла легкая рябь: самые сообразительные кровососы начали пробиваться к Сигмону. Остальные оборачивались – еще немного, и все они двинутся к лестнице серой волной. Но тан не собирался задерживаться: он уже узнал все, что хотел знать.

Упыри не зря собрались в огромном зале у выхода из ратуши. Вдалеке светилась огненным порталом распахнутая дверь – солнце заглядывало в зал, выбросив в темноту длинный язык света. Он распластался на грязных досках горящим пятном, и на этом крохотном светлом пятнышке приплясывал человек. В одной руке он держал нож, а в другой – светлый заплечный мешок. Ронэлорэн.

Он прыгал и вертелся на месте спятившим скоморохом, поливал кровососов отборной бранью, в надежде выманить их на солнечный свет. Алхимик сделал все, чтобы отвлечь армию упырей от друга и преуспел – внимание мертвых было приковано к обезумевшему человечку, танцующему в лучах солнца. Вампиры не решались подойти ближе и толпились в центре зала, стараясь оставаться в темноте. Они морщились, прикрывали глаза, но не уходили – теплая кровь тянула их к свету. И некоторые, самые смелые – или самые глупые подошли слишком близко.

На глазах у Сигмона алхимик сделал шаг в темноту. Тотчас один из кровососов ухватился за его руку и тан вскрикнул. Но Ронэлорэн резко подался назад и выдернул упыря на свет. Тот вспыхнул факелом, и в лицо алхимику плеснула волна пепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.